

На правах рукописи

АРКАДЬЕВ Пётр Михайлович

**Ареальная
типология
префиксального
перфектива**

(на материале языков Европы и Кавказа)

*Специальность 10.02.20 —
сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание*

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт славяноведения Российской академии наук» в Отделе типологии и сравнительного языкознания.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук Петрухина Елена Васильевна
(ФГБОУВО «Московский государственный университет»,
филологический факультет, профессор кафедры русского языка).

доктор филологических наук Зализняк Анна Андреевна
(ФГБУН «Институт языкознания РАН» (г. Москва), главный
научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики).

доктор филологических наук Генюшене Эмма Ширияздановна
(ФГБУН «Институт лингвистических исследований РАН»
(г. Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник
Лаборатории типологического изучения языков).

Ведущая организация: *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», филологический факультет, кафедра общего языкознания.*

Защита состоится _____ в **15:00** час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9-й этаж, ауд. 901–902.*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН и на сайте.

Автореферат разослан «__» «_____» **2017** г.
Размещен на сайте ИСл РАН: <http://www.inslav.ru>
и ВАК при МОН РФ

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

М.М. Валенцова

© Институт славяноведения РАН

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Представляемая диссертация посвящена типологическому изучению префиксальной перфективации, т. е. образования глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида с помощью префиксов или превербов.

Объект изучения диссертации — глагольная префиксация в языках Восточной Европы и Кавказа (в славянских, балтийских, картвельских языках, в идише, венгерском, осетинском и в ряде других генетически и ареально связанных с ними языков).

Предмет исследования — морфологические и функционально-семантические характеристики глагольных префиксов и префиксальных глаголов и устройство глагольных систем изучаемых языков, сходства и различия между ними, а также генетические, типологические и ареальные аспекты их синхронного распределения и эволюции.

Актуальность данной работы определяется тем, что в настоящее время в лингвистике происходит синтез, с одной стороны, достижений славянской аспектологии (ср. работы Ю.С. Маслова, Е.В. Падучевой, Е.В. Петрухиной, А. Барентсена, В. Броя, С.М. Дики, Л. Янды и др.), и, с другой, — результатов типологических исследований глагольного вида (ср. работы Б. Комри, Э. Даля, Дж. Байби, К. Смит, Х. Филип, В.С. Храковского, В.А. Плунгяна, С.Г. Татевосова и др.). Изучаемый в диссертации феномен — префиксальная перфективация — до сих пор получил подробное освещение лишь в славянских языках, хотя представлен в целом ряде языков Восточной Европы — в балтийских, в венгерском, в идише, а также в ряде языков Кавказа — в осетинском и в картвельских языках. Это делает рассмотрение славянских аспектуальных систем в сопоставлении со сходными системами других языков, в том числе генетически неродственных, а также на более широком типологическом фоне, одной из наиболее насущных задач.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней аспектуальные системы славянских, балтийских, картвельских, идиша, венгерского и осетинского языков впервые рассматриваются и сопоставляются с точки зрения единой системы типологических признаков, затрагивающих как морфологические, так и функциональные аспекты превербов, префиксальных глаголов и аспекту-

альных систем¹. Такой подход позволяет представить материал всех изучаемых языков в пригодном для типологического сравнения виде и использовать для его анализа количественные методы. Кроме того, впервые данные всех этих языков, а также родственных им языков и их более ранних исторических стадий привлекается для комплексного историко-типологического анализа, призванного ответить на вопрос о соотношении унаследованного, универсального и контактного в становлении наблюдаемых на синхронном уровне характеристик аспектуальных систем.

Материалом работы послужили данные описательных грамматик, словарей, специальных исследований, а также корпусов текстов и, в меньшей степени, опроса носителей языков. Всего в работе привлекаются данные примерно пятидесяти языков. Используемая **методология** включает стандартные приёмы морфологического, синтаксического и семантического анализа, методы типологического сопоставления и ареальной лингвистики, в том числе ряд количественных методик (выявление степени сходства между языками по заданному набору признаков, метод кластеризации NeighborNet и метод картографирования изоплет), методы сравнительно-исторического анализа и выявления контактных взаимодействий на уровне формы и функции языковых единиц.

Цель диссертационного исследования состоит, во-первых, в том, чтобы обобщить данные о формальных и семантических характеристиках глагольных префиксов, префиксальных глаголов и аспектуальных систем языков Восточной Европы и Кавказа, во-вторых, выделить содержательные группировки этих систем и, в-третьих, уточнить соотношение универсально-типологического, генетически унаследованного и ареально-контактного в их возникновении и эволюции. Данная цель определяет следующие **задачи** исследования:

1) Проанализировать морфологические, синтаксические и семантические свойства превербов в рассматриваемых языках.

¹ Ср. сходный подход в работах: Tomelleri V. L'aspetto verbale slavo fra tipologia e diacronia // A. Alberti et al. (eds.), *Contributi italiani al 14. congresso internazionale degli Slavisti*. Firenze, 2008, p. 11–61; ejusd. The category of aspect in Georgian, Ossetic and Russian. Some areal and typological observations // *Faits des langues*, No. 1 (2009), p. 245–272; ejusd. Slavic-style aspect in the Caucasus // *Suvremena lingvistika*, Vol. 36 No. 69 (2010), p. 65–97.

2) Проанализировать семантические, функциональные и грамматические характеристики префиксальных глаголов и глагольных систем изучаемых языков.

3) Провести сопоставление значений изучаемых признаков во всех рассматриваемых языках, с помощью количественных методов определить степень сходства языков по изучаемым параметрам и выявить группировки наиболее сходных между собою аспектуальных систем.

4) Объяснить синхронно наблюдаемые сходства и различия систем префиксального перфектива, с каковой целью:

5) Провести сравнительно-исторический и историко-типологический анализ систем глагольных превербов и префиксального перфектива в индоевропейских, картвельских и уральских языках с привлечением данных древних языков этих семей.

6) Проанализировав документированные случаи контактного взаимодействия систем префиксального перфектива на материале рассматриваемых языков и других языков, с ними взаимодействовавших (цыганских, балкано-романских, ливского и др.), выявить закономерности языковых контактов в этой области.

7) Изучить типологические параллели системам префиксального перфектива в языках других языковых семей и ареалов.

8) Установить соотношение генетически-унаследованного, универсально-типологического и ареально-контактного в развитии систем префиксального перфектива в изучаемых языках.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1) Системы глагольных префиксов и префиксальных глаголов славянских, балтийских, картвельских языков, идиша, венгерского и осетинского могут быть плодотворно сопоставлены по ряду морфологических и функционально-семантических параметров, принимающих в этих языках различные значения из ограниченного набора.

2) Значения типологических параметров в изучаемых языках демонстрируют ряд нетривиальных зависимостей как между собою, так и от генетической принадлежности языков и их ареальных связей.

3) Квантитативный анализ признаков изучаемых аспектуальных систем показывает наличие двух кластеров — восточноевропейского и кавказского, — демонстрирующих значительные расхождения по целому ряду параметров, что говорит о существовании не одного, а как минимум двух «прототипов» префиксальной перфективации.

4) Префиксальная перфективация в индоевропейских, финно-угорских и картвельских языках является инновацией, возникшей, однако, путём грамматикализации элементов (наречий и частиц с пространственными значениями), восходящих к соответствующим праязыкам.

5) Изучение документированных ситуаций контактного взаимодействия систем глагольных превербов и префиксальной перфективации показывает, что в результате такого взаимодействия может происходить как заимствование отдельных превербов и целых систем превербов, так и функциональная перестройка уже имеющейся системы глагольных модификаторов или глагольных префиксов.

6) Особенно интенсивные языковые контакты могут приводить к грамматикализации или, наоборот, деграмматикализации систем префиксальной перфективации, однако ни в одном из известных случаев нет прямого заимствования всех или большинства характерных для той или иной аспектуальной системы свойств из одного языка в другой. Аспектуальная система языка, испытавшего контактное влияние, всегда в значительной степени является результатом внутреннего развития, пусть даже происходящего с заимствованными единицами.

7) В становлении систем префиксального перфектива в изучаемых языках сыграли роль как универсально-типологические тенденции (превращение глагольных пространственных модификаторов в показатели предельности и перфективности, отмеченное в целом ряде языковых семей за пределами рассматриваемого ареала), так и языковые контакты, однако роль последних скорее является ограниченной. В частности, развитие восточноевропейского и кавказского ареалов префиксальной перфективации очевидным образом прошло независимо.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что в ней, во-первых, показана плодотворность применения методов типологии и ареальной лингвистики (в том числе количественного анализа) к изучению аспектуальных систем славянских, балтийских и других рассматриваемых языков, и выявлен с помощью этих методов целый ряд черт сходства и различия между изучаемыми аспектуальными системами, которые ранее либо не привлекали внимания, либо не демонстрировались на материале всех этих языков. Во-вторых, в работе показано, что совмещение методов типологии, сравнительно-исторического анализа и контактной лингвистики позволяет полу-

чить достаточно полную и точную картину возникновения аспектуальных систем изучаемых языков и отделить черты, унаследованные от праязыка, от черт, приобретённых в результате контактных взаимодействий или развития в соответствии с универсально-типологическими тенденциями. Наконец, комплексное рассмотрение славянских аспектуальных систем в сопоставлении со структурно и функционально близкими системами позволило уточнить, какие свойства славянского вида характерны для префиксальной перфективации вообще, а какие являются специфически славянскими, что позволяет более корректно определить место славянских языков в типологическом пространстве аспектуальных систем.

Практическая значимость работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы, во-первых, при уточнении трактовки аспектуальной характеристики глаголов различных исследованных языков в описательных и учебных грамматиках, толковых и двуязычных словарях, во-вторых, при составлении типологических баз данных по аспектуальным и шире глагольным категориям, и, в-третьих, в преподавании курсов славистики, балтистики, кавказоведения, ареальной лингвистики, морфологии, аспектологии и типологии.

Апробация работы. Материал, методология и результаты работы отражены в нескольких десятках публикаций на русском и английском языках, в том числе в 16 публикациях в изданиях, рекомендованных ВАК. Кроме того, они были отражены в докладах на нескольких десятках российских и международных научных конференций и семинаров с 2005 по 2016 г. (важнейшие из них: международный симпозиум «Baltic Languages, Slavic languages: contact, confrontation, comparison», Париж, апрель 2006; международный симпозиум «Cross-Linguistic Semantics of Tense, Aspect and Modality», Неймеген, ноябрь 2006; круглый стол «Ареальное и генетическое в структуре славянских языков», Москва, Институт славяноведения РАН, сентябрь 2007; XIV Международный съезд славистов, Охрид, сентябрь 2008; IX, XI и XII международные конгрессы по виду, акциональности, времени и модальности Chronos (Париж, сентябрь 2009; Пиза, июнь 2014; Кан, июнь 2016); международная конференция «Current Advances in Caucasian Studies», Мачерата, январь 2010; 43-й и 46-й конгрессы Европейского лингвистического общества (Вильнюс, сентябрь 2010; Сплит, сентябрь 2013); международная конференция «Семантический спектр славянского вида», Гётеборг, июнь 2013;

международная конференция «Научное наследие и развитие идей Ю.С. Маслова», Санкт-Петербург, ноябрь 2014; международная конференция «Diversity Linguistics: Retrospect and Prospect», Лейпциг, май 2015; международная конференция «The role of prefixes in the formation of aspect and related categories. Problems of grammaticalization», Падуя, сентябрь 2015; XII международный конгресс балтистов, Вильнюс, октябрь 2015). Наконец, автор использовал полученные им результаты при чтении таких курсов, как «Типология видовременных категорий», «Типология грамматических категорий и грамматических систем», «Лингвистика языковых контактов», «Общая морфология», «Морфологическая типология», «Литовский язык» и «Типология, историческая и ареальная лингвистика».

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, списков сокращений, источников и литературы и указателя языков. В первой главе кратко излагаются теоретические и методологические основания исследования, выделяются и обосновываются используемые типологические параметры, определяются необходимые понятия и описывается материал исследования и способы его представления. Главы со второй по пятую посвящены значениям, которые выделенные параметры принимают в исследуемых языках, и следуют классификации этих параметров: морфосинтаксические характеристики превербов (глава 2), функционально-семантические характеристики превербов (глава 3), признаки глаголов с превербными (глава 4) и характеристики глагольных систем с превербными (глава 5). В главе 6 излагаются результаты количественного анализа систем префиксальной перфективации, позволяющего уточнить представление об ареальном характере изучаемых явлений. Глава 7 посвящена диахроническому и типологическому анализу и рассматривает системы перфективирующих превербов с точки зрения их происхождения, эволюции и подверженности влиянию языковых контактов. Также здесь кратко анализируются сходные явления в языках других географических ареалов. В Заключении подводятся итоги исследования и формулируются его основные выводы. Список источников содержит 32 позиции (словари и корпуса текстов), список литературы — 685 позиций на русском и семи европейских языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** ставится задача исследования и описывается его научный контекст — исследования по славянской аспектологии, по типологии аспектуальных категорий и систем, по морфологии и семантике превербов². В частности, вводится выделенное в работах Дж. Байби и Э. Даля³ противопоставление двух типов перфектива — основанного на результате и основанного на пространственных ограничителях глагольного действия (см. ниже).

В **главе 1** «Теоретические предпосылки» эксплицируется понятийный аппарат исследования и описываются его методология и материал. В **разделе 1.1** «Проблема определения превербов» даётся типологически-ориентированное определение основного объекта диссертации — превербов. Принимаемое в диссертации определение опирается на введённое В.А. Плуныным понятие глагольной ориентации⁴ и исходит из представления о превербах как об ограничителях глагольного действия, в ходе грамматикализации приобретающих более абстрактные значения, основное из которых — терминативность, т. е. достижение ситуацией естественного предела. Превербы определяются как морфемы, удовлетворяющие двум условиям:

- (1) по крайней мере в значительном классе случаев занимают префиксальную позицию по отношению к глагольному корню;
- (2) способны присоединяться к глаголам, обозначающим перемещение, и специфицируют какие-либо аспекты пространственного расположения их актантов.

² См. в первую очередь Rousseau A. (éd.). *Les Préverbes dans les langues d'Europe. Introduction à l'étude de la préverbation*. Lille: Presses Universitaires de Septentrion, 1995; Кронгауз М.А. *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. М.: «Языки русской культуры», 1998.

³ Bybee J.L., Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language*, Vol. 13 (1989), No. 1, p. 51–103; Bybee J.L., R.D. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago & London: The Univ. of Chicago Press, 1994, p. 87–90.

⁴ Плунын В.А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // В.А. Плунын (ред.), *Исследования по теории грамматики. Т. 2. Грамматикализация пространственных значений*. М.: «Русские словари», 2002, с. 57–98.

В разделе 1.2 «Параметры типологии превербов» описываются признаки, используемые в дальнейшем для типологического сопоставления. Они группируются в несколько классов: признаки собственно превербов vs. признаки превербных глаголов; признаки, касающиеся морфосинтаксиса vs. семантики превербов; признаки, относящиеся к организации системы префиксального перфектива в целом:

Группа I. Морфосинтаксис превербов

I.1. Морфологический статус превербов, степень их морфологизации vs. автономности.

I.2. Позиция превербов в глагольной словоформе (при наличии иных типов префиксов).

I.3. Возможность итерации превербов, т. е. присутствия в глагольной словоформе более одного представителя этого класса.

I.4. Наличие внутри системы превербов более дробной морфологической классификации.

I.5. Синхронное наличие у превербов этимологически родственных лексем, их статус и соотношение с превербами.

Группа II. Функционально-семантические особенности превербов

II.1. Исходные значения превербов (в частности, тип выражаемого ими пространственного значения).

II.2. Членение системы превербов на более дробные функционально-семантические классы.

II.3. Ограничения на сочетаемость превербов с глагольными основами.

II.4. Характеристики аспектуальных функций превербов и их взаимодействия с семантикой глагола вообще.

II.5. Участие превербов в образовании так называемых «способов глагольного действия».

II.6. Наличие у превербов функции перфективации в «чистом виде».

II.7. Наличие превербов с делимитативной функцией.

Группа III. Характеристики превербных глаголов

III.1. Наличие специфических для превербных глаголов грамматических особенностей и ограничений.

III.2. Характер аспектуальных (акциональных) значений превербных глаголов.

III.3. Наличие у превербных глаголов специфических грамматических категорий или их значений.

Группа IV. Характеристики собственно глагольных систем с превербными

IV.1. Характер оппозиции превербных и «простых» глаголов.

IV.2. Наличие и характер средств вторичной имперфективации превербных глаголов.

IV.3. Наличие непрефиксальных морфологических средств, вошедших в категорию, ядром которой являются превербные.

IV.4. Наличие глаголов без превербов, проявляющих акциональные и / или аспектуальные свойства, характерные для префиксальных глаголов.

IV.5. Наличие префиксальных глаголов, проявляющих акциональные и / или аспектуальные свойства, характерные для глаголов без превербов.

IV.6. Характер взаимодействия префиксальных и непрефиксальных глаголов с другими глагольными категориями.

В разделе 1.3 «Терминологические замечания» излагаются теоретические основы исследования. В диссертации принимается так называемая двухкомпонентная концепция вида (В. Брой, К. Смит), последовательно противопоставляющая акциональные значения предикатов, отражающие языковую категоризацию ситуаций на статические vs. динамические, длительные vs. моментальные, предельные vs. непредельные и т. п., с одной стороны, и грамматические аспектуальные значения, выражающие точку зрения говорящего на развёртывание ситуации во времени. Наиболее важными при обсуждении глагольных систем с превербными являются понятия, относящиеся к области предельности, которая понимается в литературе двояко: как потенциальная предельность предикатов, в семантике которых есть «указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел»⁵, и как актуализованная предельность предикатов, обозначающих достижение ситуацией предела (ср. работы З. Вендлера, Д. Даути, М. Крипки и др. представителей формально-логического подхода к семантике). Для последовательного разграни-

⁵ Маслов Ю.С. *Очерки по аспектологии* // Ю.С. Маслов. *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*. М.: «Языки славянской культуры», 2004, с. 29.

чения этих двух понятий в диссертации, вслед за Е.В. Падучевой⁶, термины «предельность» и «непредельность» резервируются за потенциальной предельностью в смысле Ю.С. Маслова, а по отношению к актуальной (не)предельности используются термины «терминативность» и «нетерминативность». Соотношение между понятиями «(не)предельность» и «(не)терминативность» схематически изображено в таблице 1.

Табл. 1. Соотношение предельности и терминативности

	+ терминативность	– терминативность
+предельность	актуализованность потенциального предела: <i>написать письмо</i>	неактуализованность потенциального предела: <i>писать письмо</i>
–предельность	темпоральная ограниченность при отсутствии или недостижении потенциального предела: <i>посидеть; написать письмо; вздрогнуть</i>	отсутствие темпоральной ограниченности и потенциального предела: <i>писать, сидеть</i>

Для обозначения изменения значений признака предельности предлагаются термины «телисизация» (превращение глагола из не-предельного в предельный) и «детелисизация» (обратный процесс), а для обозначения смены значений признака терминативности предлагаются термины «перфективация» (превращение нетерминативного глагола в терминативный) и «имперфективация» (обратный процесс).

Также в данном разделе обсуждаются понятия «грамматическое» и «грамматикализация», относительно которых в литературе нет единого мнения⁷, в особенности применительно к явлениям, обсуждаемым в диссертации, которые по своей природе занимают положение на стыке лексики и грамматики. Термин «грамматический» я использую двояко в зависимости от того, к какому объекту он применяется.

⁶ Падучева Е.В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову–Вендлеру // *Вопросы языкознания*, 2009 № 6, с. 14.

⁷ См. обзор в: Плунгян В.А. *Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГТУ, 2011, Гл. 1; Wiemer B. *Quo vadis grammaticalization theory? Why complex language change is like words* // *Folia Linguistica*, Vol. 48 (2014), No. 2, p. 425–467.

Когда речь идёт о грамматических значениях (единицах плана содержания), я исхожу из понимания грамматического значения как такого, которое модифицирует другие языковые значения и не способно служить единственным содержанием ассерции высказывания⁸. Под грамматикализацией применительно к этим значениям понимается процесс, при котором языковые единицы приобретают способность выражать соответствующие значения. В тех же случаях, когда термин «грамматический» используется в составе словосочетания «грамматическая категория», я, напротив, исхожу из близкого к структуралистскому пониманию, основанного на представлении о грамматических категориях и составляющих их граммемах как о наборах правил, соотносящих множества элементарных грамматических значений с множествами формальных средств выражения. Набор соответствий между формами и грамматическими значениями является в конкретном языке грамматической категорией, если он обладает свойством обязательности (какая-либо грамма категория должна быть выражена при любой словоформе некоторого грамматического класса, кроме случаев, когда такое выражение блокируется какими-либо морфосинтаксическими правилами), а парадигматические оппозиции между отдельными граммами категории являются регулярными с точки зрения семантической интерпретации, лексической и синтаксической сочетаемости и формального выражения. Такому пониманию грамматического соответствует и понимание грамматикализации в узком смысле как исторического процесса формирования грамматических оппозиций, который, в отличие от грамматикализации в широком смысле, проходящей в основном на уровне семантики, предполагает главным образом морфосинтаксические изменения, т. е. развитие структурных оппозиций и правил, не зависящих от конкретных смыслов.

В разделе 1.4 «Материал исследования» даётся общая характеристика эмпирической базы исследования и способам представления материала. В диссертации привлекаются данные значительной части современных славянских языков (русского, польского, чешского, словацкого, верхнелужицкого, словенского, сербохорватского, болгарского и македонского), балтийских языков (литовского и латышского), германских языков (немецкого и идиша), венгерского, осе-

⁸ Cp. Boye K., P. Harder (2012). A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization // *Language*, Vol. 88 (2012), No. 1, p. 1–44.

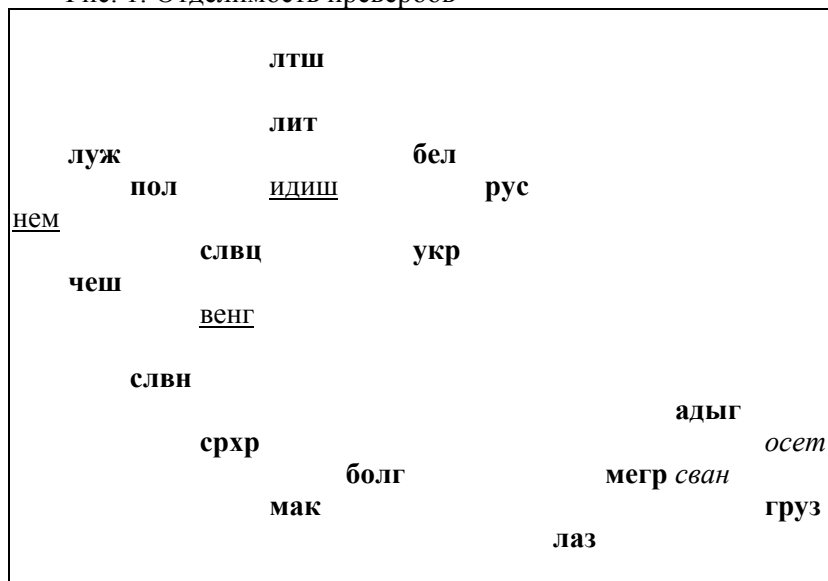
тинского (в первую очередь его иронского варианта) и картвельских (грузинского, сванского, мегрельского и лазского). В главах со 2-й по 4-ю, посвящённых не только собственно аспектологической проблематике, обсуждаются также данные адыгейского языка. В главе 7, посвящённой диахроническим, типологическим и контактными аспектам проблематики префиксального перфектива, привлекаемый материал существенно расширяется как в пространственном, так и в хронологическом планах.

Ареально-типологический характер исследования требует картографирования значений классификационных признаков. Поскольку моё исследование не имеет диалектологической составляющей и не может оперировать изоглоссами в точном смысле слова, я использую упрощённый формат лингвистических карт, принятый в публикациях проекта EUROTYPE⁹: каждый язык обозначается на карте «точкой» с сокращённым названием языка, условно отвечающей его реальному географическому положению, а распределение значений признаков обозначается условными выделениями. Ср. рис. 1 с картой распределения признака «отделимость провербов».

Представление языкового материала следует принятым в типологии конвенциям поморфемной нотации, за исключением славянских и основных европейских языков, примеры из которых даются просто с переводом на русский язык.

⁹ Hanp. Thieroff R. (2000). On the areal distribution of tense-aspect categories in Europe // Ö. Dahl. (ed.), *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000, p. 265–303.

Рис. 1. Отделимость превербов

Полужирным выделены языки, где превербы неотделимы от основы; *курсивом* выделены языки с ограниченной отделимостью превербов; подчёркнуты языки со значительной степенью отделимости превербов.

Глава 2 «Морфосинтаксические признаки превербов» посвящена изучению формальных особенностей глагольных префиксов в изучаемых языках. В **разделе 2.1** «Морфологический статус превербов» изучается противопоставление между аффиксальными морфемами, составляющими с глагольной основой единую словоформу, и единицами, обладающими по крайней мере ограниченной автономностью, не позволяющей однозначно трактовать их как префиксы. В славянских, балтийских, картвельских (кроме сванского) и северокавказских языках превербы однозначно входят в состав глагольной словоформы и не обладают никакими признаками автономности. Напротив, в германских языках имеется хорошо известное противопоставление так называемых «неотделяемых» и «отделяемых» префиксов. В венгерском языке превербы также обладают значительной морфологической автономностью. В осетинском языке превербы ограниченно отделимы от глагольной основы, в частности, между превербом и глагольной основой могут вставляться энклитики.

Раздел 2.2 «Позиция превербов в глагольной словоформе» описывает параметр, касающийся языков, где превербы являются не единственными глагольными префиксами. В таких языках превербы могут занимать все теоретически возможные позиции предкорневой части словоформы, а именно: непосредственно примыкающую к корню (латышский, германские); периферийную, т. е. в абсолютном начале словоформы (грузинский, сванский, осетинский) и срединную (литовский, западнокавказские, мегрельский, лазский).

Раздел 2.3 «Возможность “итерации” превербов» посвящён появлению в глагольной словоформе нескольких превербов. Этот признак напрямую связан с возможностью более дробной классификации системы превербов и выделением в ней сочетающихся друг с другом рядов единиц (см. раздел 2.4). Говорить о множественной префиксации можно лишь тогда, когда чёткая субкатегоризация превербов невозможна. В этом смысле литовский, осетинский и венгерский языки, в которых за единичными лексикализованными исключениями появление в глаголе двух превербов запрещено, с одной стороны, и картвельские языки, где превербы чётко делятся на две группы, причём члены разных групп сочетаются друг с другом, а члены каждой из групп по отдельности исключают друг друга, — языки без итерации превербов. Напротив, славянские языки характеризуются продуктивной множественной префиксацией¹⁰, связанной с функциональным (но не морфологическим) делением префиксов на «внутренние» и «внешние», ср. *пере-до-за-писать*, где выражается повторное завершение действия ‘записать’. Также представлена, хотя и весьма ограниченно, двойная префиксация в латышском языке, ср. *pa-iz-meklēt* ‘порасследовать’¹¹.

В разделе 2.4 «Морфологическая субкатегоризация превербов» исследуется членение множества превербов на формальные классы. Наиболее известный пример такого рода — противопоставление отделяемых и неотделяемых префиксов в германских языках. Обнаруживается нетривиальная корреляция между морфологической субка-

¹⁰ Ройзензон Л.И. *Многоприставочные глаголы в русском и других славянских языках*. Самарканд, 1974.

¹¹ Horiguchi D. Latvian attenuative *pa*-verbs in comparison with diminutives // P.M. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.), *Contemporary Approaches to Baltic Linguistics*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2015, p. 235–261.

тегоризацией превербов и грамматикализацией дейктических значений, проявляющаяся в языках Кавказа, а также в немецком.

Раздел 2.5 «Синхронная “этимология” превербов» посвящён наличию в изучаемых языках коррелятов превербов, таких как предлоги или наречия. Значительная часть приставок в славянских языках совпадает формально и обнаруживает определённые черты семантического сходства с первообразными предлогами, и сходная картина наблюдается в литовском и латышском. Напротив, в картвельских языках многие превербы практически не имеют соответствий среди других морфем, и то же касается осетинского. Напротив, в венгерском языке превербы, в силу их слабой спаянности с глаголами и способности выступать автономно или полуавтономно, трудно отделить от наречий, а в немецком и идише оказывается сложно провести границу между отделяемыми превербами, наречиями и предлогами. Наконец, в адыгейском языке немало превербов имеют соответствия среди существительных, обозначающих части тела или пространственные объекты.

В **заключении** главы делается вывод о том, что даже в языках одного географического ареала превербы демонстрируют исключительное разнообразие формальных свойств и что при этом морфологические свойства превербов в основном коррелируют с генетической принадлежностью языка, оказываясь не столь подверженными ареальным воздействиям.

В **Главе 3** «Функционально-семантические признаки превербов» глагольные префиксы изучаются с точки зрения их семантики и функционирования, в первую очередь, в связи с выражением аспектуальных значений.

Раздел 3.1 «Исходные значения превербов» посвящён значениям, которые можно приписать превербам в качестве базовых в результате синхронного анализа. Данный вопрос во многом сводится к установлению типа пространственного значения превербов в сочетании с предикатами, обозначающими локализацию и движение. Вслед за Л. Талми и В.А. Плунгяном разграничиваются следующие типы пространственных значений: путь или траектория, подразделяющиеся на локализацию и ориентацию, свойства ориентира и свойства движущегося объекта. Базовым для большей части языков восточно-европейского ареала является значение ориентации движения относительно контекстно заданного объекта, нередко совмещённое со значениями из других областей этой семантической зоны. В немец-

ком и грузинском языках значения 'по направлению к говорящему' и 'по направлению от говорящего' выражаются при помощи отдельных показателей, а в осетинском дейктические значения выражаются ку-мулятивно с ориентационными. Иной тип пространственного значения выражают превербы адыгских языков, где основная масса превербов характеризует топологические свойства ориентира, относительно которого локализуется или перемещается объект, в то время как направление движения и само его наличие не влияет на выбор преверба, а выражается корнем глагола или при помощи суффиксов.

Раздел 3.2 «Функционально-семантическая субкатегоризация превербов» описывает деление систем превербов на семантические классы. В изучаемых языках встречаются системы, отдельным образом выражающие дейктические значения (немецкий, картвельские, адыгские), а также более редкие системы, подобные немецкой (отделяемые превербы с сильным пространственным компонентом *vs.* неотделяемые превербы с лексикализованными и более абстрактными значениями). Подробно обсуждается упоминавшееся выше членение системы употреблений славянских превербов на «внутренние» (лексические) и «внешние» (супралексические), коррелирующее со способностью префикса присоединяться к уже имеющимся в составе словоформы приставкам, и ставится вопрос о наличии супралексических употреблений у балтийских превербов в свете запрета на множественную префиксацию в литовском языке.

В **разделе 3.3** «Ограничения на сочетаемость превербов» рассматривается сочетаемость префиксов с глаголами. Во всех изучаемых языках превербы являются весьма продуктивными и сочетаются с широкими классами глаголов. Интересное исключение представляют собою так называемые медиальные глаголы грузинского языка¹², обозначающие неопределенные процессы и сочетающиеся с превербами лишь весьма ограниченно. Похожее явление можно наблюдать и в литовском языке, где целый ряд глаголов, обозначающих состояния (*kaboti* 'висеть') или неопределенные процессы (*verkti* 'плакать'), наряду с регулярными префиксальными производными (*ap-verkti* 'оплакать') имеет также префиксальные корреляты, отличающиеся ступенью корневого вокализма и / или типом спряжения и обозначающие начало процесса или состояния, выраженного беспре-

¹² Holisky D.A. *Aspect and Georgian Medial Verbs*. New York: Caravan, 1981.

фиксальным глаголом (*pra-virkti* ‘заплакать’). Неслучайным представляется то, что и в грузинском, и в литовском ограничения на сочетаемость с провербами демонстрируют именно неопределённые глаголы. В адыгских языках без ограничений сочетаются с провербами лишь глаголы, обозначающие статическое положение в пространстве и направленное движение. Все остальные глаголы, обозначающие динамические ситуации, при сочетании со специализированным локативным провербом также обязательно присоединяют один из суффиксов, выражающих пространственную ориентацию ситуации.

Раздел 3.4 «Характеристики аспектуальных функций провербов» посвящён центральному для диссертации вопросу и связан с рядом проблем, касающихся характеристик как провербов самих по себе, так и префиксальных глаголов и целых глагольных систем. В разных языках изучаемого ареала аспектуальные функции характерны для провербов в разной степени. Так, в адыгейском языке, как и вообще в языках северокавказской семьи (за исключением табасаранского), пространственные провербы не оказывают воздействия на акциональные характеристики предикатов¹³, что неудивительно в свете сказанного выше о семантике адыгейских провербов.

Отчасти сходная ситуация наблюдается в немецком языке, где многие провербы специфицируют способ достижения ситуацией предела либо возникающее в результате состояние (ср. *brechen* ‘разбить’ ~ *zerbrechen* ‘разбить вдребезги’) и в ряде случаев вводят такой предел (*schlagen* ‘бить’ ~ *zerschlagen* ‘разбить на части ударом’). Важное отличие немецкой системы от славянских и балтийских состоит в том, что телесизирующей функцией обладают лишь некоторые из провербов, а функция перфективации немецким префиксам в целом не свойственна.

На другом полюсе находятся славянские и балтийские языки, грузинский и осетинский, где провербы обладают ярко выраженной перфективирующей функцией. Простые глаголы в этих языках обычно обозначают ситуации либо неопределённые (‘ходить’, ‘спать’), либо потенциально предельные (‘бежать’, ‘строить’), предел которых, однако, не может быть выражен при помощи простого глагола. Провербы используются как раз для указания на достижение такой ситуации-

¹³ Татевосов С.Г. (2000). Метафизика движения в грамматике естественного языка: глагольная префиксация в северокавказских языках // *Вестник МГУ, сер. 9 Филология*, № 6, с. 14–29.

ей результата ('прибежать', 'построить'). В сочетании с глаголами без потенциального предела превербы либо сообщают глаголу актуальную предельность (ср. *сидеть* ~ *высидеть урок*), либо выражают такие акциональные значения, как начинательность (ср. *видеть* ~ *увидеть*, *петь* ~ *запеть*).

Раздел 3.5 «Способы глагольного действия» посвящён морфосемантическим категориям глаголов, объединённых сходным значением и общими формальными средствами его выражения. Способы глагольного действия (Aktionsarten) хорошо изучены в славянских языках, но представлены также в балтийских, в немецком, в идише (который заимствовал целый ряд славянских способов действия, оформив их при помощи германских префиксов, см. работы Л. Талми, П. Векслера, К.А. Шишигина), в осетинском и в венгерском. Напротив, в северокавказских и картвельских языках способы действия как таковые отсутствуют или представлены сравнительно редко.

В разделе 3.6 «Вопрос о перфективации “в чистом виде”» рассматриваются «чистовидовые» употребления превербов. Согласно одной из распространённых точек зрения, употребления префиксов, единственный вклад которых в семантику глагола состоит в перфективации или телисизации, возникают как следствие «семантического согласования» глагола и преверба (так называемый эффект Вея—Схоневелда¹⁴). Как представляется, эффект Вея—Схоневелда продуктивно рассматривать лишь как один из механизмов возникновения префиксальных глаголов с минимальным семантическим отличием от соответствующих простых, но не как единственный такой механизм. В определённый момент число возникших благодаря семантическому согласованию префиксальных предельных или терминативных глаголов может превысить «критическую массу», а само значение префикса станет слишком абстрактным, чтобы осознаваться носителями как имеющее отчётливую лексическую составляющую, и в результате отдельные префиксы могут стать телисизаторами или перфективаторами «в чистом виде». Наиболее подробно данный во-

¹⁴ Vey M. Les préverbes « vides » en tchèque moderne // *Revue des études slaves*, T. 29 (1952), fasc. 1–4, 1952, p. 82–107; van Schooneveld C.H. The so called 'préverbes vides' and neutralization // *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists*. The Hague, 1958, p. 159–161.

прос рассматривается в серии работ С. Дики¹⁵, который показывает, что развитие категории вида в западной (чешский, словацкий, лужицкие, словенский, сербохорватский) и восточной (русский, белорусский, украинский, болгарский, македонский, польский) зонах славянского аспекта¹⁶ коррелирует с тем, какой префикс оказался наиболее продуктивным в чистовидовой функции (*s-/z-* для западной зоны, *po-* для восточной).

«Чисто перфективирующие» употребления превербов отмечены, помимо славянских языков, в балтийских языках, в венгерском, в идише, в осетинском и в грузинском, т. е. практически во всех языках, где превербы вообще могут влиять на предельность глагола. В немецком, насколько можно судить, префиксальная телисизация, не сопровождающаяся никакими дополнительными значениями, вообще отсутствует или маргинальна, а идиш, напротив, по этому признаку сближается со славянскими языками.

Раздел 3.7 «Превербы с делимитативной функцией» посвящён аспектуальной деривации, выражающей временную ограниченность неопредельной ситуации. Хотя в славянской аспектологии делимитативные глаголы традиционно рассматриваются в системе способов глагольного действия и вне так называемых «видовых пар», ряд исследователей¹⁷ указывают на «сближение делимитативов с видовыми коррелятами»¹⁸. Это проявляется в способности делимитативов представлять неопредельную ситуацию в виде события, встроенного в нарративную цепочку, т. е. «распространять видовую оппозицию на неопредельные предикаты»¹⁹. За пределами славянских языков делимитативные превербы встречаются в балтийских языках (литовский и латышский *pa-*) и в осетинском (преверб *a-* в иронском), но отсутст-

¹⁵ Напр., Dickey S.M. *S-/Z- and the grammaticalization of Aspect in Slavic* // *Slovene Linguistic Studies*, Vol. 5 (2005), p. 3–55.

¹⁶ Dickey S.M. *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*. Stanford (CA): CSLI Publications, 2000.

¹⁷ Обзор разных точек зрения см. в статье Dickey S.M. *Aspectual pairs, goal orientation and po-delimitatives in Russian* // *Glossos*, No. 7 (2006). <http://seelrc.org/glossos/issues/7/dickey.pdf>

¹⁸ Петрухина Е.В. *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. М.: Изд-во МГУ, 2000, с. 190.

¹⁹ Dickey S.M. *Aspectual pairs...*, p. 16.

вуют в германских языках, в том числе в испытывавшем сильное славянское влияние идише, а также в венгерском и грузинском.

В заключении главы отмечается, что целый ряд функционально-семантических особенностей превербов в языках восточноевропейского ареала во многом обусловлен способностью превербов к телизации и перфективации глаголов.

В **главе 4** «Характеристики превербных глаголов» обсуждаются признаки, характеризующие не собственно превербы, а оформленные ими предикаты. В **разделе 4.1** «Морфосинтаксис превербных глаголов» речь идёт о специфических для превербных глаголов морфологических и / или синтаксических особенностях и ограничениях, которых обнаруживается сравнительно немного. Интересным признаком превербных глаголов является их неспособность присоединять дальнейшие превербы. Как было показано в п. 2.3, этот признак принимает положительное значение в основном на периферии ареала — в балтийских языках, в венгерском, в осетинском и, с оговорками о делении превербов на классы не сочетающихся друг с другом единиц, в картвельских языках. Напротив, славянские языки такого ограничения не знают. Ещё один признак превербных глаголов — их способность сочетаться с продуктивными показателями имперфективации. В осетинском и в мегрельском показатели имперфективации присоединяются лишь к глаголам с превербами; напротив, в литовском и в чешском такого ограничения нет.

Раздел 4.2 «Акциональные значения превербных глаголов» посвящён межъязыковому варьированию в аспектуальном потенциале превербных глаголов. Так, в славянских языках (за исключением обиходного верхнелужицкого) глагол с превербом обычно обозначает лишь достижение ситуацией предела (или событие иного типа, например, начинательное), но не может выражать длительный процесс или состояние — для этого используется либо соответствующий глагол без преверба, либо вторичный имперфектив. В балтийских языках многие префиксальные глаголы в форме настоящего времени (а ряд глаголов с лексикализованными превербами в формах любых времён) способны обозначать процесс или состояние. Такое поведение демонстрируют также многие превербные глаголы в идише, в то время как на славянские языки в этом отношении похожи картвельские языки и осетинский, где, однако, глаголы движения, у которых преверб имеет базовые пространственные значения, в формах настоящего времени допускают актуально-длительное прочтение. Ис-

ключением на фоне славянских языков является обиходный вариант верхнелужицкого языка²⁰, где превербные глаголы, формально соответствующие глаголам СВ других славянских языков, могут употребляться в актуально-длительном значении как в презенсе, так и в претерите.

В разделе 4.3 «Специфические для превербных глаголов грамматические категории» рассматриваются грамматические категории и грамматические значения, характерные для превербных глаголов, которые обычно обусловлены не собственно наличием преверба, сколько принадлежностью глагола к более широкому классу, ядро которого составляют превербные глаголы. Так, русские глаголы СВ имеют в форме презенса референцию к будущему времени независимо от того, есть в их составе приставка или нет. Наиболее яркий пример грамматической категории, релевантной лишь для собственно префиксальных глаголов, — осетинский показатель *-sæj-* и мегрельский показатель *-t(i)m(a)-*, обозначающие длительность ситуации (дуратив) или (в осетинском) неудачную попытку (конатив).

В восточно- и западнославянских языках перфективные глаголы демонстрируют хорошо известные особенности устройства и семантики морфологических категорий: футуральную интерпретацию формы презенса, отсутствие презентных причастий, использование деепричастий в таксисном значении предшествования. Такая ситуация, однако, для изучаемого ареала оказывается скорее исключением, чем правилом. В южнославянских языках форма презенса глаголов СВ не имеет референции к будущему. В балтийских, германских и венгерском языках, по-видимому, вообще невозможно выделить никаких грамматических признаков, противопоставляющих префиксальные глаголы беспрефиксальным. То же можно сказать и об осетинском языке (за исключением уже упомянутого имперфективного показателя *-sæj-*). Напротив, в грузинском языке представлена ситуация, отчасти напоминающая южнославянскую, но отличающаяся от неё рядом важных признаков.

²⁰ См. Breu W. Der Verbalaspekt in der obersorbischen Umgangssprache im Rahmen des ILA-Modells // W. Breu (Hrsg.), *Slavistische Linguistik* 1999. München: Otto Sagner, 2000, s. 37–76; ejusd. Aspect forms and functions in Sorbian varieties // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, Bd. 65 (2012), No. 3, p. 246–266.

Глава 5 «Характеристики глагольных систем с провербами» является центральной для обсуждения префиксального перфектива. В ней исследуются организация глагольных систем языков восточноевропейского ареала в целом, и главным образом признаки, связанные с характером аспектуальной оппозиции простых и провербных глаголов и со степенью грамматикализации (в узком смысле) аспектуальных категорий, в выражении которых используются провербы. Оценка грамматикализованности аспектуальных оппозиций, выражаемых глагольными ограничителями, осложняется тем, что такие системы являются деривационными, т. е. морфологически и семантически нерегулярными, поэтому такие традиционные критерии грамматичности, как функциональная обязательность и формальная регулярность, к ним либо вовсе не применимы, либо не дают результатов, не зависящих от избранной а priori концепции. Для адекватного анализа глагольных систем с ограничителями необходимы другие критерии, в выборе которых я следую работам Ф. Лемана²¹ и Б. Вимера²². Важнейшим критерием является то, насколько оппозиция префиксальных и непрефиксальных глаголов является систематической с функциональной точки зрения. Оппозиция является тем более систематической, чем меньше лексических ограничений на неё накладывается и с чем большей степенью обязательности она проявляется в распределении глаголов по контекстам употребления. Дополнительными признаками обязательности оппозиции оказываются следующие: (i) наличие контекстов употребления, где выбор одного из членов оппозиции диктуется чисто формальными правилами; (ii) участие в оппозиции глаголов с другими морфологическими характеристиками (т. е. в нашем случае глаголов без префиксов), проявляющих те же свойства, что и «ядерные» (т. е. провербные) глаголы.

Раздел 5.1 «Характер оппозиции префиксальных и беспрефиксальных глаголов» посвящён изучению того, как «простые» глаголы и их префиксальные дериваты делят семантическое пространство. Для анализа вводится противопоставление «ядерных» и «периферий-

²¹ Леман Ф. Грамматическая деривация у вида и типы глагольных лексем // М.Ю. Черткова (ред.), *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ*. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 1997, с. 54–68.

²² Вимер Б. Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов // *Вопросы языкознания*, 2001, № 2, с. 26–58.

ных» контекстов употребления. К ядерным я отношу контексты, в которых акциональное значение глагола проявляется максимально отчётливо; для нетерминативного глагола без преверба это настоящее время в актуально-длительном значении (*пишет письмо*), для терминативного глагола с превербом — прошедшее время в комплетивном значении (*написал письмо*). К периферийным относятся, среди прочего, хабитуальные, экспериентивные и модальные контексты, а также настоящее историческое. В таких контекстах на базовую акциональную характеристику глагола накладываются дополнительные значения, которые могут нетривиальным образом взаимодействовать с базовым значением. Если в ядерных контекстах употребление глаголов в максимальной степени мотивировано семантически и демонстрирует наибольшие сходства между языками, то периферийные контексты, будучи потенциальными точками «конфликта» разных значений, порождают основные межъязыковые различия.

Сказанное хорошо иллюстрируется славянскими данными. Для выражения ядерного акционального противопоставления «процесс в развитии» vs. «достижение процессом предела» славянские языки (кроме обиходного верхнелужицкого, см. выше) неизменно используют, соответственно, несовершенный (без префикса или вторичный имперфектив) и совершенный (обычно с префиксом) виды. Однако в периферийных контекстах употребления видов славянские языки существенно различаются между собою (см. работы А. Барентсена, Б. Вимера, Е.В. Петрухиной, С. Дики)²³. С. Дики на основании анализа периферийных употреблений видов разделяет славянские языки на две зоны: восточную (русский, украинский, белорусский, болгарский, македонский) и западную (чешский, словацкий, словенский и лужицкие), различающиеся по целому ряду признаков; выделяются также «переходные» языки — польский, демонстрирующий больше сходств с восточной зоной, и сербохорватский, близкий к западной зоне. В таблице 2 приведён ряд параметров, рассматриваемых в монографии С. Дики²⁴.

²³ Ср. недавний обзор в Fortuin E., J. Kamphuis. The typology of Slavic aspect: a review of the East-West theory of Slavic aspect // *Russian Linguistics*, Vol. 39 (2015), p. 163–208.

²⁴ Dickey S.M. *Parameters of Slavic Aspect*, p. 260.

Табл. 2. Славянский вид в периферийных контекстах

контекст	зап.	срхр.	пол.	вост.
СВ в хабитуальном значении	+	+	(+)	—
НСВ в однократном общефактическом значении	—	—	(+)	+
СВ в «двунаправленном» значении	+	(+)	(+)	—
СВ в <i>praesens historicum</i>	+	+	—	—
СВ в «сценическом настоящем»	+	+	—	—

Балтийские языки в рассматриваемом отношении ближе к западнославянской зоне, нежели к географически смежной с ними восточной. Как и в славянских языках, в общем случае глагол без префикса обозначает длительную ситуацию, а превербный глагол — событие. В литовском и латышском языках нейтрализация данного противопоставления невозможна: при необходимости обозначить достижение ситуаций предела в периферийных контекстах, таких как хабитуалис или настоящее историческое, всегда используется глагол с превербом.

С западнославянской во многом сходна венгерская система, также не допускающая нейтрализации акционального противопоставления превербных и простых глаголов в хабитуальных контекстах. Напротив, в идише даже в ядерных контекстах глаголы с превербами и без превербов не находятся в дополнительной дистрибуции²⁵. В осетинском языке в ядерных контекстах глаголы с превербами противопоставлены глаголам без превербов как обозначающие точечные события vs. длительные процессы / состояния, а в хабитуальном настоящем простые глаголы могут обозначать и терминативные, и нетерминативные ситуации, в то время как глаголы с превербами имеют лишь терминативные прочтения.

Грузинские глаголы в периферийных аспектуальных контекстах ведут себя гетерогенно: с одной стороны, отмечаются примеры *praesens historicum*, где превербный глагол употребляется в соответствии со своим акциональным значением, с другой стороны, в хабитуальных контекстах нередко наблюдается нейтрализация противопоставления в пользу глагола без преверба. Презенс превербных гла-

²⁵ Gold E. *Aspect, Tense and the Lexicon: Expression of Time in Yiddish*. Doctoral Dissertation, Univ. of Toronto, 1999, p. 72.

голов выступает в хабитуальном значении и в функции настоящего исторического и в других картвельских языках.

Ещё один релевантный периферийный контекст — фазовые конструкции. Практически во всех славянских языках с фазовыми предикатами сочетаются лишь глаголы НСВ, ср. рус. *начать читать*/**прочитать*, болг. *започна да пиша*/**напиша* ‘начинаю писать’, чеш. *přestal zpívat*/**zazpívat* ‘он перестал петь’. Единственное систематическое исключение среди славянских языков — обиходные варианты лужицких языков, где глаголы СВ регулярно сочетаются с фазовыми предикатами.

Напротив, в других языках изучаемого ареала столь строгое ограничение на сочетаемость терминативных (в том числе провербных) глаголов с фазовыми предикатами отсутствует, ср. литовское *pradedą atsakyti* ‘начинает отвечать’, латышское *sāka satumst* ‘начало темнеть’ (букв. «потемнеть»). Нет запрета на сочетаемость провербных глаголов с фазовыми в идише и в венгерском. Кавказские языки также неогомогенны в отношении ограничений на фазовые конструкции. Если в осетинском ситуация сходна со славянской, ср. (*š-) *aražən fæwəp* ‘закончить строить’²⁶, то в грузинском, напротив, с фазовыми предикатами обычно сочетается провербная форма глагола, поскольку выступающее в этих конструкциях отглагольное имя как правило должно содержать проверб. Тем самым, запрет на сочетаемость провербных (терминативных) глаголов с фазовыми предикатами оказывается не «универсалией», а скорее славянско-осетинской изоглоссой.

Помимо дистрибуции глаголов по акциональным значениям и аспектуально-релевантным контекстам важен вопрос о характере лексических оппозиций, в которые вступают префиксальные и беспрефиксальные глаголы. Когда проверб не только модифицирует лексическое значение глагола, но и меняет его акциональные свойства, нередко возникает конфликт между необходимостью выражать лексическое значение в любых контекстах и аспектуальными ограничениями, накладываемыми провербом. В разных языках рассматриваемого ареала этот конфликт разрешается по-разному. В славянских языках, в венгерском, осетинском и мегрельском имеются морфоло-

²⁶ Стойнова Н.М. Аспектуальная система осетинского языка и семантический класс глаголов движения (на материале кударского говора иронского диалекта). Доклад на 3-й Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, Санкт-Петербург, 2–4 ноября 2006 г., с. 3.

гические или морфосинтаксические средства так называемой вторичной имперфективации, позволяющие поместить превербный глагол в любой семантически допустимый для него контекст. Языки без продуктивных средств вторичной имперфективации, т. е. балтийские и грузинский, сванский и лазский, стоят перед выбором — допускать глаголы с «лексическими» превербами в большем числе аспектуальных контекстов, нежели глаголы с «чисто перфективирующими» префиксами, либо использовать в «запретных» для превербных глаголов контекстах их беспрефиксальные корреляты, делая последние избыточно многозначными (так называемая депревербация).

В грузинском языке чаще используется второй вариант — в имперфективных контекстах глагол без преверба оказывается коррелятом всех своих превербных производных с подчас весьма разными лексическими значениями, ср. презенс *aḱeteb* ‘ты делаешь’, соответствующий как будущему с «пустым» превербом *gaḱeteb* ‘ты сделаешь’, так и глаголам с лексическими превербами *gamoḱeteb* ‘ты восстановишь’, *gadaḱeteb* ‘переделаешь’, *moḱeteb* ‘вылечишь’, *ṣeḱeteb* ‘починишь’. В балтийских языках при необходимости употребить глагол с «лексическим» превербом в неопределённом контексте используется как депревербация, так и контекстная имперфективация префиксального глагола (см. п. 4.2).

В разделе 5.2 «Средства “вторичной имперфективации”» обсуждаются морфосинтаксические механизмы, позволяющие перфективированному с помощью преверба глаголу быть употреблённым в имперфективном контексте. С формальной точки зрения прототипическая вторичная имперфективация — это морфологическая деривация, применяющаяся к превербному терминативному глаголу, результатом которой является новый глагол, по-прежнему содержащий в своём составе преверб, но уже на более глубоком уровне своей деривационной истории (ср. славянские вторичные имперфективы с различными вариантами суффикса *-va-*, напр. рус. *писать* → *переписать* → *переписывать*). В изучаемых языках представлены и различные отклонения от этого прототипа, в частности, случаи, когда имперфективация превербного глагола осуществляется с помощью не морфологической деривации, а (морфо)синтаксического преобразования, как в венгерском и отчасти в латышском.

С функциональной точки зрения нужно выделить два существенно различных типа имперфективации. **Внесобытийная** имперфективация «размножает» обозначаемое превербным глаголом собы-

тие, создавая итеративный и / или хабитуальный дериват (например, рус. *подпрыгнуть* ~ *подпрыгивать*). Такой тип имперфективации потенциально применим к произвольному превербному глаголу. Напротив, **внутрисобытийная** имперфективация манипулирует внутренней структурой единичной ситуации, аннулируя внесённую превербом терминативность; в результате её применения глагол может использоваться для обозначения длительных фаз ситуации (например, рус. *внезапно проснуться* ~ *постепенно просыпаться*). Такая операция более существенно воздействует на семантику предиката, чем внесобытийная имперфективация, и её сочетаемость с глаголами разных акциональных типов ограничена.

Языки восточноевропейского ареала значительно различаются в отношении наличия вторичной имперфективации, её типа, способов выражения и продуктивности. Наиболее развитая вторичная имперфективация представлена в славянских языках, однако и они различаются степенью продуктивности вторичных имперфективов. Последняя возрастает в восточной зоне, достигая максимума в болгарском языке, где преобладает внесобытийная её разновидность. В русском языке вторичная имперфективация также весьма продуктивна, но существенно более ограничена, чем в болгарском. Сравнение с языками западной «аспектуальной области» позволяет говорить о том, что чем более продуктивна имперфективация, тем меньше удельный вес внутрисобытийного типа, и наоборот.

За пределами славянской группы в области вторичной имперфективации наблюдается большая вариативность. В литовском языке представлена ситуация, в наибольшей степени сходная со славянской. В качестве средства вторичной имперфективации используется исходно итеративный суффикс *-inė-*, который, во-первых, свободно присоединяется не только к префиксальным, но и к беспрефиксальным глаголам, во-вторых, не имеет ограничения на образование итеративов от глаголов с «чисто аспектуальными» префиксами, и в-третьих, в качестве основного значения имеет внесобытийное (итеративное), а не внутрисобытийное (процессуальное). По-видимому, рост продуктивности суффиксальных глаголов в литовском и приобретение ими значения предельного процесса в развитии определяются влиянием славянских языков. Таким образом, хотя в литовском языке вторичная имперфективация и присутствует, её продуктивность, особенно во внутрисобытийной функции, весьма ограничена, а статус в системе не столь очевиден, как в славянских языках.

В отличие от литовского, в латышском языке морфологические средства имперфективации отсутствуют. Ближайшим аналогом их является так называемый «аналитический имперфектив» — сочетание беспрефиксального глагола с обычно находящимся в постпозиции наречием, семантически соотносящимся с соответствующим превербом. Эти конструкции употребляются, когда префикс существенно меняет лексическое значение глагола, в первую очередь, с глаголами движения, ср. *aiziet* ‘уйти’ ~ *iet prom* ‘идти прочь, уходить’, а также с глаголами других семантических классов: *atslēgt* ‘отпереть’ ~ *slēgt valā* ‘отпирать’, *nosist* ‘убить’ ~ *sist nost* ‘убивать’ и др. Тем не менее, неясно, насколько продуктивна корреляция между префиксальными глаголами и такими конструкциями, что позволяет А. Хольфуту²⁷ и Г. Тупсу²⁸ сделать вывод, что в латышском нет грамматической имперфективации.

Ситуация, отчасти сходная с латышской, отмечается в верхнелужицком языке, где наряду с общеславянским суффиксальным типом вторичной имперфективации получила распространение и модель «бесприставочный глагол + наречие», использующаяся преимущественно в дуративных контекстах. В венгерском языке вторичная имперфективация формально напоминает конструкции с наречиями в латышском, выражаясь постпозицией преверба, сохраняющего своё семантическое и формальное тождество, ср. *le-ment* ‘спустился’ vs. *ment le* ‘спускался’.

В языках Кавказа вторичная имперфективация лучше всего представлена в осетинском и мегрельском. В иронском осетинском в функции вторичной имперфективации используется префикс *-sæj-*, вставляющийся между превербом и глагольной основой и выражающий дуративное и конативное значения. Нетривиальной параллелью к осетинскому префиксу вторичной имперфективации служит аналогичный префикс в мегрельском, употребляющийся лишь с превербными глаголами и занимающий позицию после пространственно-акционального преверба. Идиш, равно как и грузинский, сванский и лазский языки не обладают средствами вторичной имперфективации.

²⁷ Holvoet A. *Studies in the Latvian Verb*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001, p. 133–146.

²⁸ Toops G.H. The grammar of “paraphrastic imperfectives” in Latvian and Upper Sorbian // *The Slavic and East European Journal*, Vol. 45 (2001), No. 1, p. 107.

В разделе 5.3 «Непрефиксальные перфективирующие средства» рассматриваются средства перфективации помимо превербов. Наиболее распространены случаи непрефиксального маркирования семельфактива — единичного кванта мультипликативного процесса, что не случайно и связано с тем, что семельфактивная семантика отличается от прототипических значений, вносимых превербами. Наиболее яркий пример такого рода показателя — общеславянский суффикс **-nq*. Продуктивный семельфактивный суффикс представлен и в литовском языке: *-telė*, ср. *moti* ‘махать’ ~ *mostelėti* ‘махнуть’.

Другая ситуация, не связанная с выражением семельфактивности, представлена в современном грузинском языке, где глаголы делятся на классы, принадлежность к которым проявляется на уровнях семантики, морфологии и синтаксиса. I и II классы включают, соответственно, в основном переходные и предельные непереходные глаголы, сочетающиеся с превербами при образовании перфективных форм — футурума, аориста, опатива и ряда других. Напротив, к III классу относятся по большей части непереходные и неопредельные «медиальные» глаголы, обычно не присоединяющие превербов и образующие перфективные формы с не входящим в класс превербов «версионным» префиксом *i-*, ср. таблицу 3.

Табл. 3. Спряжение грузинских глаголов I, II и III классов

	I класс ‘писать’	II класс ‘таять’	III класс ‘лаять’
3SgPrs	<i>çers</i> ‘пишет’	<i>dneba</i> ‘тает’	<i>qeps</i> ‘лает’
3SgIpfv	<i>çerda</i> ‘писал’	<i>dneboda</i> ‘таял’	<i>qepda</i> ‘лаял’
3SgFut	<i>da-çers</i> ‘напишет’	<i>da-dneba</i> ‘растет’	<i>i-qepebs</i> ‘будет лаять’
3SgAor	<i>da-çera</i> ‘написал’	<i>da-dna</i> ‘растаял’	<i>i-qera</i> ‘полаял’

Ситуация в других картвельских языках отчасти сходна с грузинской, но отличается в ряде деталей.

Раздел 5.4 «Глаголы без превербов, “эквивалентные” глаголам с превербами», посвящён глаголам, не имеющим превербов или иных показателей телисизации/перфективации, но сходным с превербными по акциональным и аспектуальным характеристикам. Такие случаи распространены весьма широко, хотя и в разной степени в разных языках ареала. В славянских языках имеется целый ряд простых глаголов СВ, часть которых восходит к общеславянскому состоянию, а часть является инновацией конкретных языков. Классами непроизводных предельных и моментальных глаголов об-

ладают балтийские языки, ср. лит. *dingti* ‘исчезнуть’, *gauti* ‘получить’, *laimėti* ‘выиграть’ и др., лтш. *rast* ‘найти’, *gūt* ‘приобрести’, *zaudēt* ‘потерять, проиграть’ и др. В венгерском языке терминативны простые глаголы, обозначающие создание, появление или приобретение неопределённого объекта, напр. *készít* ‘приготовить’, *szül* ‘родить’²⁹. В осетинском неизменяемых перфективных глаголах крайне мало, а в картвельских языках аналогами славянских неизменяемых перфективов можно считать не имеющие превербов и нередко супплетивные формы аориста и / или будущего времени ряда глаголов, напр. груз. Fut *naxavs* ‘увидит’, Aor *naxa* ‘увидел’ vs. Prs *xedavs* ‘видит’.

В разделе 5.5 «Нетерминативные префиксальные глаголы» рассматриваются глагольные лексемы, содержащие преверб, однако с аспектальной точки зрения ведущие себя как глаголы без превербов, т. е. сохраняющие неопределённые свойства. В славянских языках префиксальные глаголы НСВ маргинальны и в основном образованы от стативных предикатов, нередко являясь кальками с греческих или латинских глаголов, ср. рус. *предстоять* (греч. *παρίστασθαι*), *зависеть* (лат. *dependere*) и т. п. В балтийских языках неопределённых приставочных глаголов существенно больше, ср. лит. *atrodyti* ‘казаться’ (< *rodyti* ‘показывать’), *privengti* ‘опасаться’ (< *vengti* ‘избегать’). Такие глаголы встречаются и в венгерском языке, и в картвельских языках, ср. мегр. *e-ko-re* ‘стоит около него’, *gi-no-x-e* ‘сидит на нём’³⁰.

Раздел 5.6 «Взаимодействие превербов с другими глагольными категориями» описывает то, как в глагольных системах с префиксальной перфективацией взаимодействуют между собой префиксальные терминативные глаголы и граммы времени — во-первых, презенс и футурум, и, во-вторых, аорист и имперфект. «Парадокс», связанный с формой перфективного презенса, разные языки разрешают по-разному: в одних языках такие формы приобретают значение будущего времени (в первую очередь русский и другие восточнославянские языки, польский, грузинский, сванский, мегрельский), в других языках они имеют значение лишь неактуального (хабитуального или исторического) настоящего времени (литовский, латыш-

²⁹ Kiss É.K. The function and the syntax of the verbal particle // Kiss É.K. (ed.), *Event Structure and the Left Periphery of Hungarian*. Dordrecht: Springer, 2006, p. 29–31.

³⁰ Rostovtsev-Popiel A. *Grammaticalized Affirmativity in Kartvelian*. PhD Thesis, Universität Frankfurt am Main, 2012, p. 58, 59.

ский, болгарский, идиш, осетинский), а в ряде языков (в первую очередь в чешском и словацком и литературных лужицких) формы перфективного презенса допускают оба употребления.

В картвельских языках так же, как в славянских, представлены разные случаи взаимодействия превербных глаголов с презенсом и футуральными граммемами. Если в грузинском будущее время вообще образуется только от перфективных форм — превербных для предельных глаголов I и II классов и «версионных» для неопределённых глаголов III класса, то в других языках этой семьи представлены специализированные показатели футуральности. Тем самым, наличие/отсутствие независимой от префиксального аспекта категории будущего времени и способность / неспособность презенса превербных глаголов выражать футуральное значение не связаны друг с другом.

Глагольные системы, в которых аспект «романского типа» с противопоставлением перфективного и имперфективного прошедших времён сосуществует с системой превербной перфективации, представлены в древнейших славянских языках — старославянском, древнерусском и древнечешском, — в ряде современных славянских языков (болгарском, македонском, в реликтовом виде также в сербохорватском и лужицких), а также в картвельских языках. В старославянском языке аорист и имперфект сочетались как с нетерминативными, так и с терминативными (простыми и префиксальными) глаголами. Имперфект терминативных глаголов использовался для обозначения повторяющихся событий, аорист же нетерминативных глаголов обозначал встроенную в нарративную цепочку ограниченную во времени ситуацию. Из современных славянских языков общеславянское состояние лучше всего сохранил болгарский язык, где аорист и имперфект свободно и семантически композиционно сочетаются с глаголами обоих видов (см. работы Ю.С. Маслова и Й. Линдстедта). Македонский язык отличается от болгарского тем, что использование имперфекта (и презенса) СВ сильно ограничено, а аорист НСВ практически вышел из употребления. В сербохорватском и лужицких формы аориста и имперфекта имеют тенденцию к дополнительному распределению по глагольным видам и выходят из употребления, заменяясь перфектом.

Ситуация в современном грузинском языке отчасти сходна с македонской (перфективный имперфект имеет хабитуальные и модальные употребления, имперфективный аорист маргинален), и похожа

система сванского языка. В мегрельском и лазском, в отличие от грузинского и сванского, имперфективный аорист без преверба употребляется более активно.

Важно отметить, что распад исторически более древних словоизменительных аспектуальных категорий аориста и имперфекта происходит в большой степени независимо от эволюции более нового превербного аспекта. Именно болгарская система, где «романское» аспектуальное противопоставление сохранилось в максимальном объёме, одновременно является одной из наиболее продвинутых и в отношении грамматикализации вида славянского типа. Напротив, славянские языки, примерно одинаково рано утратившие аорист и имперфект — русский и чешский, — демонстрируют разный характер грамматикализации превербного вида.

В **заключении** главы делается вывод о том, что применительно к славянским языкам, грузинскому и осетинскому можно говорить о грамматической категории аспекта, в образовании которой участвуют превербы. Наибольшей степени грамматикализации эта категория достигает в славянских языках восточной зоны, где наблюдаются все выделенные морфосинтаксические признаки. Другие славянские языки демонстрируют лишь часть этих признаков, однако всякий раз достаточную для признания несомненного грамматического статуса вида, и то же можно сказать о картвельских языках и об осетинском. Напротив, в балтийских языках, в венгерском и в идише ограничения на употребление глаголов с превербами не носят абсолютного характера, тесно связаны с лексическими свойствами глаголов и могут быть непосредственно мотивированы акциональной семантикой. К этому типу приближается и обиходный верхнелужицкий, в котором СВ существенно расширил своё употребление за счёт контекстов, в других славянских языках доступных лишь имперфективным глаголам.

В **главе 6** «Квантитативная ареальная типология префиксального перфектива» исследованные в главах 2–5 типологические признаки подвергаются количественному анализу, на основании которого определяется степень сходства и различия представленных в изучаемых языках систем префиксального перфектива и возможные модели кластеризации значений признаков, характерные для тех или иных языков, групп языков и (микро)ареалов.

В **разделе 6.1** «Признаки для количественного анализа» перечисляются признаки и их значения, используемые для количественного

анализа. Для построения количественной модели были отобраны следующие 19 признаков, которые релевантны для значительной части языков и значения которых можно представить в схематическом дискретном виде (ниже обозначаются цифрами):

1. Морфосинтаксис превербов:

1.1. Отделимость превербов: 2 – свободная; 1 – ограниченная; 0 – отсутствует.

1.2. Наличие других глагольных префиксов кроме превербов: 1 – да; 0 – нет.

1.3. Позиция превербов в глагольной словоформе (при условии положительного значения признака 1.2): 1 – начальная; 2 – срединная; 3 – предосновная.

1.4. Итерация превербов (для языков с положительным значением следующего признака имеется в виду сочетаемость превербов одного подкласса): 2 – продуктивная; 1 – ограниченная; 0 – отсутствует.

1.5. Морфологическая субкатегоризация превербов: 1 – да; 0 – нет.

2. Функциональные признаки превербов и превербных глаголов:

2.1. Выражение дейксиса: 0 – систематическое отсутствует; 1 – маргинально; 2 – систематическое кумулятивное; 3 – систематическое отдельное.

2.2. Перфективирующая функция превербов: 0 – систематически отсутствует; 1 – относительно маргинальна; 2 – продуктивна.

2.3. «Чистая перфективация»: 0 – систематически отсутствует или маргинальна; 1 – продуктивна.

2.4. Делимитативные превербы: 2 – продуктивны; 1 – непродуктивны; 0 – отсутствуют.

2.5. Дуративное употребление превербных глаголов перемещения: 0 – отсутствует; 1 – ограничено; 2 – систематическое.

2.6. Дуративное употребление превербных глаголов других семантических классов: 0 – отсутствует; 1 – ограничено; 2 – систематическое.

3. Признаки глагольных систем:

3.1. Употребление презенса превербных (или вообще терминативных) глаголов в значении *praesens historicum*: 1 – да; 0 – нет.

3.2. Продуктивное футуральное употребление презенса превербных (или вообще терминативных) глаголов: 1 – да; 0 – нет.

3.3. Употребление превербных (или вообще терминативных) глаголов с фазовыми предикатами: 1 – да; 0 – нет.

3.4. Морфологические средства вторичной имперфективации: 2 – продуктивны; 1 – ограничены; 0 – отсутствуют.

3.5. Синтаксические средства вторичной имперфективации: 2 – продуктивны; 1 – ограничены; 0 – отсутствуют.

3.6. Продуктивные средства перфективации помимо превербов: 1 – да; 0 – нет.

3.7. Аспектуально-нейтральный футурум: 1 – да; 0 – нет.

3.8. Противопоставление аориста и имперфекта наряду с префиксальным перфективом: 0 – отсутствует; 1 – маргинально; 2 – редуцированная (двух- или трёхчленная) система; 3 – полная (четырёхчленная) система.

В разделе 6.2 «Сопоставление значений признаков в исследуемых языках» анализируются значения приведённых выше признаков в рассматриваемых языках, см. табл. 4. Табл. 4 демонстрирует ряд случаев кластеризации или иного нетривиального распределения значений признаков:

- почти абсолютная гомогенность свойств собственно превербов, как морфологических (признаки 1.1–1.5), так и функционально-семантических (признаки 2.1–2.4) в славянских языках, отличающая их от всех остальных языков;

- очевидная корреляция морфологических признаков превербов с генетическим родством языков, ср. незначительные различия в парах «литовский, латышский» и «немецкий, идиш» и в четвёрке картвельских языков;

- функционально-семантические признаки превербных глаголов и в особенности глагольных систем существенно менее гомогенны и не коррелируют столь явно с генетическим родством;

- многофакторное сравнение выделяет скорее микроареалы из нескольких языков, объединяющихся по небольшому нетривиальному набору значений признаков, нежели большие ареалы.

Раздел 6.3 «Степень сходства между языками» посвящён применению к данным из табл. 4 количественной меры степени сходства между языками, определяемой как округлённое до целого числа процентное отношение числа совпадений значений признаков в паре к числу признаков, релевантных для обоих языков. В таблице 5 представлены степени сходства систем префиксального перфектива во всех парах языков, а также средняя степень сходства всех языков с данным и стандартное отклонение степени сходства от среднего значения.

Табл. 4. Значения признаков для рассматриваемых языков

признаки	рус	пол	чеш	славн	срхр	болг	мак	луж	лит	лтш	нем	идиш	венг	осет	груз	сван	метр	лаз	алыг
1.1. отделимость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	2	2	1	0	1	0	0	0
1.2. др. префиксы	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	1	1	1	1	1
1.3. позиция									2	3				1	1	1	2	2	2
1.4. итерация	2	2	2	2	2	2	2	2	2	0	1	1	0	0	0	0	0	0	1
1.5. морф. подтипы	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	1	1	1	1	1
2.1. дейксис отд.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	1	1	2	3	3	3	3	3
2.2. перфективация	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	1	2	2	2	2	2	2	2	0
2.3. чистая перф-я	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	0
2.4. делимитатив	2	2	1	1	1	2	2	2	2	2	0	0	0	2	0	0	0	0	0
2.5. непрер. движ.	0	0	0	0	0	0	0	2	1	1	2	1	0	2	2	2	2	2	2
2.6. непрер. другие	0	0	0	0	0	0	0	2	1	1	2	1	0	0	0	0	0	0	2
3.1. перф. презенс	0	0	1	1	1	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
3.2. перф. през. = фут.	1	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	1	1	1	1	0
3.3. фазовые глаголы	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1
3.4. 2импф. морф.	2	2	2	2	2	2	2	1	1	0	0	0	0	2	0	0	2	0	0
3.5. 2импф. синт.	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	2	0	0	0	0	0	0
3.6. непрер. перф.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
3.7. нейтр. футур.	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	1	1
3.8. аор. / имперф.	0	0	0	0	1	3	2	1	0	0	0	0	0	0	2	2	2	2	3

Табл. 5. Степень сходства систем префиксального перфектива

	рус	пол	чеш	слвн	срхр	болг	мак	луж	лит	лтш	нем	идиш	венг	осет	груз	сван	метр	лаз	адыг	среднее
рус		100	89	83	72	83	83	56	50	39	17	28	50	50	39	38	39	33	11	59 (28)
пол	100		89	83	72	83	83	56	50	39	17	28	50	50	39	38	39	33	11	59 (28)
чеш	89	89		94	83	72	72	56	50	39	22	33	56	50	44	38	44	39	17	60 (25)
слвн	83	83	94		89	78	78	61	56	44	28	39	61	56	39	31	50	44	22	62 (23)
срхр	72	72	83	89		83	83	61	56	44	28	39	50	56	33	25	44	39	28	58 (21)
болг	83	83	72	78	83		94	56	56	44	22	33	44	56	28	25	39	33	28	57 (23)
мак	83	83	72	78	83	94		56	56	44	22	33	44	56	33	31	44	39	22	58 (23)
луж	56	56	56	61	61	56	56		61	56	33	33	50	39	39	25	44	44	33	49 (11)
лит	50	50	50	56	56	56	56	61		74	33	61	50	58	42	29	53	53	42	51 (9)
лтш	39	39	44	44	44	44	44	56	74		44	61	44	53	42	29	42	47	47	46 (9)
нем	17	17	22	28	28	22	22	33	33	44		67	44	39	50	44	50	56	78	36 (17)
идиш	28	28	33	39	39	33	33	33	61	61	67		67	50	56	50	56	61	50	44 (14)
венг	50	50	56	61	50	44	44	50	50	44	44	67		44	50	44	50	56	28	49 (8)
осет	50	50	50	56	56	56	56	39	58	53	39	50	44		53	59	58	53	37	51 (6)
груз	39	39	44	39	33	28	33	39	42	42	50	56	50	53		94	84	89	58	49 (18)
сван	38	38	38	31	25	25	31	25	29	29	44	50	44	59	94		76	82	47	44 (19)
метр	39	39	44	50	44	39	44	44	53	47	50	56	50	58	84	76		95	63	52 (15)
лаз	33	33	39	44	39	33	39	44	53	47	56	61	56	53	89	82	95	68	51	51 (18)
адыг	11	11	17	22	28	28	22	33	42	47	78	50	28	37	58	47	63	68		35 (20)

Таблица 5 показывает следующее:

- рассматриваемые языки демонстрируют не очень значительную степень сходства по изучаемым признакам; исключение из этой тенденции — северо-восточно-славянский кластер (русский, украинский, белорусский и польский);

- другие пары близкородственных языков демонстрируют меньшее сходство: болгарский и македонский 94%, мегрельский и лазский 95%; та же степень сходства отмечается и между некоторыми более отдалённо родственными языками — словенским и чешским и грузинским и сванским;

- близкородственные литовский и латышский сходны лишь на 74%, а немецкий и идиш лишь на 67%;

- обиходный верхнелужицкий является «аутсайдером» в славянской группе: его степень сходства с «близкими родственниками» не превышает степени сходства с «далёкими родственниками» — балтийскими языками;

- литовский язык оказывается ближе к славянским и дальше от германских, чем латышский;

- осетинский язык в целом столь же близок к центральноевропейским, сколь и к кавказским.

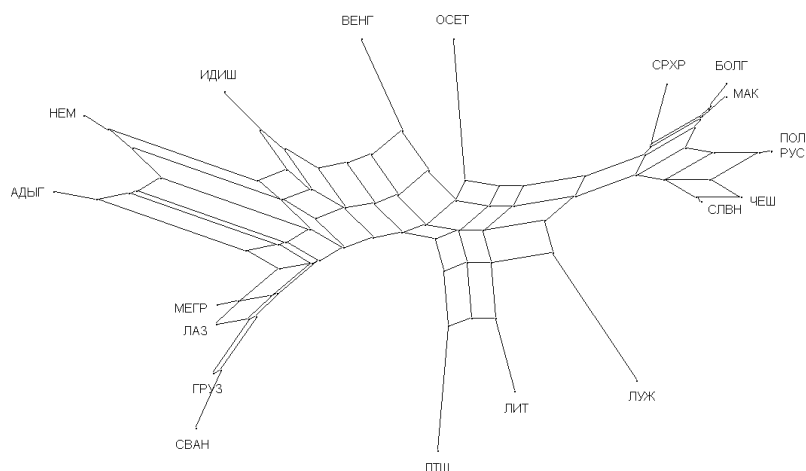
Также в данном разделе рассматривается модифицированная система признаков, в которой все параметры сведены к бинарным, и показано, что результаты анализа при этом существенно не меняются.

В разделе 6.4 «Графическое представление сходств и различий между языками» к изучаемым данным применяется метод визуализации многофакторных явлений NeighborNet³¹, реализованный в компьютерной программе Splitstree³² и популярный в современных исследованиях по типологии и ареальной лингвистике, см. рис. 2.

³¹ Bryant D., V. Moulton. Neighbor-Net: An agglomerative method for the construction of phylogenetic networks // *Molecular Biology and Evolution* 21 (2004), 2, p. 255–265.

³² Huson D.H., D. Bryant. Application of phylogenetic networks in evolutionary studies // *Molecular Biology and Evolution* 23 (2006), 2, p. 254–267.

Рис. 2. NeighborNet-диаграмма на основании значений признаков из табл. 4.

Сложная структура диаграммы отражает нетривиальный характер сходств и различий между языками, а также отсутствие большого числа значимых корреляций между отдельными признаками. Диаграмма ясно демонстрирует наличие в изучаемом ареале двух весьма сильно отличных друг от друга, но внутренне довольно гомогенных зон — славянской (с «аутсайдером» — обиходным верхнелужицким) и картвельской. Остальные языки на обеих диаграммах расположены на весьма значительных расстояниях как друг от друга, так и от указанных двух кластеров. Также строятся и сопоставляются между собою диаграммы для морфологических и функциональных признаков по отдельности, в целом подтверждающие сделанные ранее выводы о наличии соотв. отсутствии сильной связи между ними и генетическими группами языков.

В разделе 6.5 «Кластеризация значений признаков» тот же метод применяется к типологическим параметрам префиксального перфектива. Полученная диаграмма показывает, что наряду с языками, группирующимися по значениям признаков в две противопоставленные области, и сами параметры префиксальной перфективации образуют два объединения, соответствующие кластерам языков. Тем самым, в изучаемом ареале выделяется два «прототи-

па» префиксальной перфективации — «славянский» и «кавказский», различающиеся характерными для них значениями типологических признаков. Свойства этих двух разновидностей аспектуальных систем представлены в табл. 6.

Табл. 6. Два «прототипа» префиксального перфектива

Славянский «прототип»	Кавказский «прототип»
– итерация превербов	– запрет итерации превербов
– отсутствие морфологической и функциональной субкатегоризации превербов	– морфологическая и функциональная субкатегоризация превербов
– отсутствие других префиксов	– наличие других префиксов
– нет систематического выражения дейксиса	– систематическое выражение дейксиса
– продуктивные делимитативные превербы	– отсутствие продуктивных делимитативных превербов
– вторичная имперфективация	– отсутствие вторичной имперфективации
– наличие суффиксального перфективатора	– отсутствие иных средств перфективации
– запрет на сочетаемость перфективных глаголов с фазовыми предикатами	– сочетаемость перфективных глаголов с фазовыми предикатами
– запрет на дуративное употребление перфективных глаголов	– дуративное употребление превербных глаголов перемещения
– нет противопоставления аориста и имперфекта	– противопоставление аориста и имперфекта

В разделе 6.6 «Картографирование сходств и различий между языками» применяется принятый в современной ареальной типологии метод изоплет — линий, отражающих число признаков, принимающих у данного языка одинаковое значение в сравнении с некоторым эталоном. В качестве эталона был выбран язык с максимальной средней степенью сходства с другими языками — словенский, см. карту на рис. 3.

Рис. 3. Карта сходства со словенским языком

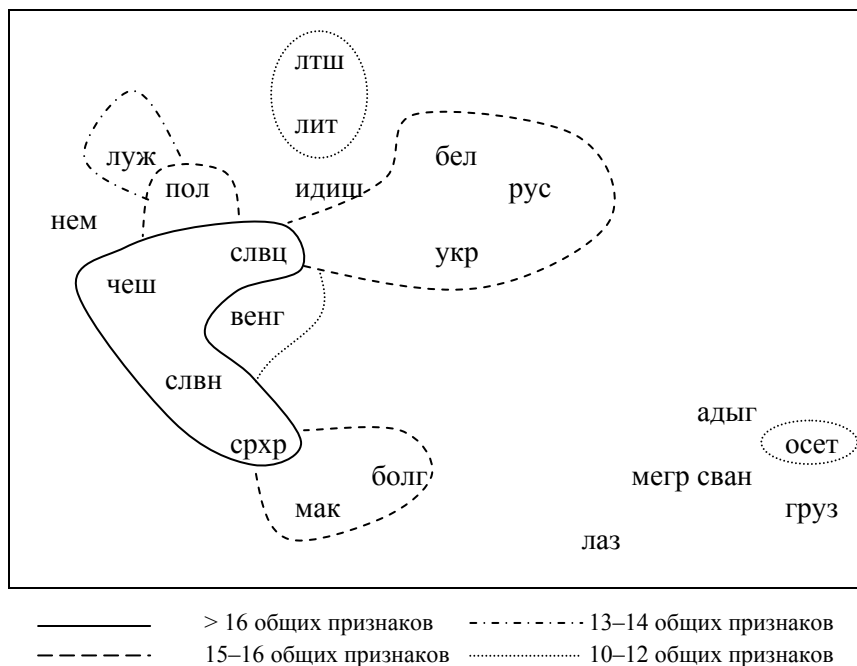

Рис. 3 указывает на ядро центральноевропейской зоны префиксального перфектива, включающее чешский, словацкий, словенский и сербохорватский языки, к которым с минимальным отличием примыкает на востоке гомогенная зона, включающая польский, белорусский, украинский и русский языки, а на юге — болгарский и македонский. Географически близкие неславянские языки, демонстрирующие максимальное сходство с «ядерной» славянской зоной, — балтийские и венгерский.

Также показано, что если в качестве эталона выбрать один из кавказских языков, например, грузинский, то результирующая карта окажется совершенно иной, что также подтверждает существование в исследуемой области двух существенно различающихся ареалов префиксального перфектива — центральноевропейского и кавказского.

В **заключении** главы отмечается, что хотя использованные количественные методы выделяют в Восточной Европе две зоны «кристаллизации» систем префиксального перфектива, эти методы

демонстрируют сравнительно невысокую степень гомогенности таких систем внутри данных зон.

Глава 7 «Диахроническая, типологическая и контактная перспектива» является обобщающей в диссертации. В ней изучается происхождение и историческое развитие систем префиксального перфектива в языках Восточной Европы и Кавказа. Рассмотрение ведётся с ареально-типологической точки зрения, основное внимание уделяется вопросам взаимодействия в ходе эволюции систем префиксального перфектива черт, унаследованных от более раннего состояния, явлений, возникших в результате языковых контактов, и универсально-типологических тенденций. Избранная перспектива диктует необходимость расширить круг рассматриваемых языков и обратиться к более ранним стадиям их существования, к ряду других языков, связанных с ними генетическим родством, к языкам, с которыми языки основной выборки контактировали, и, наконец, рассмотреть системы глагольных превербов и отмеченные в литературе случаи развития аспекта на основе категории глагольной ориентации (необязательно выражаемой с помощью префиксов) за пределами изучаемого ареала.

В **разделе 7.1** «Диахрония систем префиксального перфектива» явление префиксальной перфективации исследуется с точки зрения сравнительно-исторической лингвистики и диахронической типологии. На основании анализа данных как древних языков, так и современных представителей изучаемых языковых семей показано, что, с одной стороны, превербы или их морфологически свободные аналоги как средства выражения глагольной ориентации существовали во всех трёх языковых семьях уже на самых ранних этапах их письменной фиксации или могут быть реконструированы, а, с другой стороны, те же самые источники указывают на то, что телисизирующая функция превербов и тем более грамматикализация систем префиксального перфектива для всех рассматриваемых языков является сравнительно поздней инновацией.

В **разделе 7.1.1** «Индоевропейские языки» рассматривается материал древних и современных индоиранских языков, древнеирландского и др. Наиболее подробно изучаются данные латинского, готского, древнеанглийского и древневерхнемецкого языков, в которых наблюдалась определённая тенденция к превербной телисизации и перфективации, а также старославянского и древнерусского. В **разделе 7.1.2** «Картвельские языки» анализируется

наиболее архаичная стадия картвельских языков, зафиксированная древнегрузинскими памятниками; несмотря на то, что древнегрузинский обладал разветвлённой системой превербов, в аспектуальных функциях они не использовались. В разделе 7.1.3 «Уральские языки» показано, что о сколько-нибудь глубокой реконструкции превербов в этой семье речь не идёт, и критически рассматривается вопрос о происхождении венгерской системы превербной перфективации. На основании анализа истории аспектуальных функций венгерских превербов в работе К. Киш³³ можно сделать вывод о позднейшем возникновении перфективирующей функции венгерских превербов. Рассматриваются также данные обско-угорских языков — хантыйского и мансийского, где превербные имеют не только пространственные, но и аспектуальные значения, а также проводится сопоставление их материала с прибалтийско-финскими языками, в первую очередь с эстонским, где в качестве телесизаторов используются прилагольные наречия.

В разделе 7.1.4 «Выводы» отмечается, что несмотря на древность систем превербов в рассматриваемых языках, грамматикализация их как акциональных модификаторов и тем более показателей терминативности происходила на более поздних этапах истории отдельных ветвей и групп языков и в некоторых случаях может быть прослежена по письменным памятникам.

В разделе 7.2 «Контактные явления» изучаются документированные случаи контактного взаимодействия систем префиксальной перфективации, которые можно классифицировать в соответствии с противопоставлением “MAT-borrowing” (заимствование материала) и “PAT-borrowing” (заимствование модели)³⁴ или, соответственно, «глобального» и «избирательного копирования»³⁵. В изучаемых языках глобальное копирование состоит в заимство-

³³ Kiss É.K. From the grammaticalization of situation aspect to the grammaticalization of viewpoint aspect // Kiss É.K. (ed.), *Event Structure and the Left Periphery of Hungarian*. Dordrecht: Springer, 2006, p. 129–158.

³⁴ Sakel J. Types of loan: matter vs. pattern // Matras Y., J. Sakel (eds.), *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007, p. 15–29.

³⁵ Johanson L. The dynamics of code-copying in language encounters // B. Brendemoen, E. Lanza, E. Ryen (eds.), *Language Encounters across Time and Space*. Oslo: Novus, 1999, p. 37–62.

вании языком-реципиентом превербов языка-донора, а избирательное копирование — в перестройке по аналогии с системой языка-донора уже имеющейся в языке-реципиенте системы превербов (в частности, копирование моделей полисемии превербов или их акциональных/аспектуальных функций).

В разделе 7.2.1 «Материальное заимствование» рассматриваются два типа заимствования превербов: (1) копирование языком-реципиентом, не имевшим до того глагольных префиксов, всей системы превербов языка-донора или значительной её части, т. е. возникновение в языке-реципиенте своей собственной системы превербов, целиком состоящей из заимствованных единиц; (2) заимствование отдельных префиксов языком, в котором уже имеется система глагольных превербов. Ситуации первого типа отмечены в цыганских диалектах и в ливском, а ситуации второго типа — в балканороманских языках (истрорумынском и мегленорумынском) и в балтийских диалектах.

В разделе 7.2.2 «Избирательное копирование (“калькирование”))» рассматриваются два типа избирательного копирования превербов: во-первых, ситуации, когда копирование проявляется лишь на уровне семантики и функционирования превербов, уже имеющихся в языке-реципиенте, и, во-вторых, ситуации, когда под воздействием языка-донора меняются и морфосинтаксические свойства соответствующих единиц языка-реципиента. Яркий случай первого рода представлен в идише, где в результате длительных контактов со славянскими языками превербы германского происхождения приобрели семантику, характерную для славянских приставок. Обсуждается гипотетическое влияние славянских языков на развитие у литовского префикса *pa-* продуктивного делимитативного значения, а также копирование семантики превербов славянскими идиомами, испытавшими сильное влияние немецкого (лужицких, чешского, градищанско-хорватского, каринтийского словенского); часть этих языков развило также систему приглагольных наречий по модели немецких отделяемых превербов. Продуктивная в латышском и отчасти в северных диалектах литовского модель употребления приглагольных наречий также объясняется контактным влиянием, в данном случае прибалтийско-финских языков, в первую очередь ливского.

В разделе 7.2.3 «Выводы» делаются следующие обобщения. Во-первых, основная закономерность при заимствовании (как ма-

териальном, так и функциональном) морфологических элементов состоит в том, что легче заимствуются единицы, обладающие большей степенью формальной и семантической прозрачности. Во-вторых, материальное заимствование, по-видимому, происходит легче в тех ситуациях, когда оно приводит к заполнению определённых «лакун» в системе языка-реципиента. В-третьих, ни в одном из рассмотренных случаев не отмечено заимствования или калькирования собственно категории вида.

В разделе 7.3 «Типологические параллели» кратко изучаются возможные аналоги превербной перфективации в других языковых ареалах, в качестве каковых могут выступать, во-первых, собственно превербы, и, во-вторых, иные случаи выражения акциональных значений показателями с исходно пространственной семантикой. Превербы как глагольные модификаторы с пространственными, акциональными и иными значениями представлены в нахско-дагестанских языках (в табасаранском, агульском), тибето-бирманских языках (цянских и цзяжунских), в языках манде (Западная Африка), в целом ряде языков Америки и Австралии. Наиболее очевидной параллелью к восточноевропейскому префиксальному перфективу являются требующие дальнейшего изучения тибето-бирманские системы перфективирующих префиксов. Развитие суффиксов глагольной ориентации в показатели телисизации и перфективации представлено в языках кечуа и аймара (Южная Америка), помо (Северная Америка), в ряде чадских языков (Африка), в австронезийских языках мокил и кусаие и др. Наконец, важной параллелью к восточноевропейской превербной перфективации служат распространённые на значительной территории Азии конструкции с телисизирующими или перфективирующими вспомогательными глаголами. Приведённый типологический обзор показывает, что сходные системы находятся не столько среди языков с модифицирующими глагол префиксами, сколько в языках с суффиксальными и аналитическими «ограничителями». Тот факт, что подобные системы встречаются в языках самых различных генетических групп и ареалов, свидетельствует о типологической естественности такого развития.

В разделе 7.4 «Обобщение: о двух ареалах префиксального перфектива» я возвращаюсь к вопросу о выделенных в главе 6 на основе количественного анализа двух зонах кластеризации систем префиксального перфектива: центральноевропейской и кавказской — и обсуждаю их диахронические истоки и роль в их формировании

языковых контактов. Показано, с одной стороны, что невозможно предполагать славянское влияние на кавказские глагольные системы (вопреки гипотезе В.И. Абаева³⁶), и что, с другой стороны, в рамках кавказского ареала непосредственное контактное взаимодействие между картвельскими языками и осетинским, видимо, не было единственным фактором в развитии аспектуальных систем. Роль языковых контактов более очевидна в возникновении восточноевропейского ареала префиксальной перфективации. Общее заключение состоит в том, что в развитии двух ареалов префиксального перфектива в Восточной Европе сыграли важную роль все три основных фактора языковой эволюции: сохранение черт, унаследованных от общего предка, заимствование черт в результате языковых контактов и независимое развитие в соответствии с типологическими тенденциями.

Табл. 7. Соотношение унаследованного, контактного и типологического в системах префиксального перфектива

языки	унаследованное	Контактное влияние	независимое развитие
1. балтийские и славянские	система превербов	возникновение превербной перфективации	
1.1. славянские в целом	превербная перфективация; итеративный суффикс; аорист и имперфект		Вторичная имперфективация
1.1.1. восточные славянские	превербная перфективация, вторичная имперфективация; (южные) аорист и имперфект		делимитативы; чистовидовые превербы; расширение сферы НСВ; (кроме южных) утрата аориста и имперфекта

³⁶ Абаев В.И. Превербны и перфективностъ. Об одной скифославянской изоглоссе // В.Н. Топоров (ред.), *Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков*. М.: «Наука», 1964, с. 90–99.

языки	унаследованное	контактное влияние	независимое развитие
1.1.2.1. обиходный верхнелужицкий	превербная перфективация, вторичная имперфективация; система «западного типа»	контакты с немецким: дуративные употребления глаголов СВ; конструкции с приглагольными наречиями	
1.1.2.2. молезско-славянский	превербная перфективация, вторичная имперфективация; система «западного типа»; имперфект	контакты с итальянским: утрата аориста; инцептивно-стативные глаголы	
1.2. балтийские в целом	слабо грамматизованная превербная перфективация		
1.2.1. литовский	слабо грамматизованная превербная перфективация; итеративный суффикс	контакты со славянскими: делимитативы; вторичная имперфективация с помощью итеративного суффикса	хабитуальное прошедшее; прогрессив-авертив

языки	унаследованное	контактное влияние	независимое развитие
1.2.2. латышский	слабо грамматизованная превербная перфективация	контакты с финно-угорскими: конструкции с приглагольными наречиями	аспектуальное распределение превербных глаголов и конструкций с наречиями
2. германские в целом	система превербов	превербная телесизация и отчасти перфективация (возможно контактное влияние латыни и / или балто-славянских)	
2.2. идиш	система превербов	контакты со славянскими: перестройка способов действия, превербная перфективация	
3. обско-угорские в целом	система наречий система прошедших времён		превербы
3.1. венгерский	система превербов; система прошедших времён; синтетическое будущее	возможно, контакты со славянскими: превербная перфективация; возможно, контакты с немецким: упрощение системы времён	превербная перфективация; аналитическая имперфективация; сокращение системы прошедших времён; утрата синтетического будущего

4. иранские в целом	система преве- рбов; аорист и им- перфект		превербная телисизация; перестройка системы вре- мён
---------------------	--	--	--

языки	унаследованное	контактное влияние	независимое разви- тие
4.1. осетин- ский	система пре- вербов	контакты с картвель- скими: перестройка системы преве-рбов, дейксис	показатель им- перфективации; будущее время
		возможно, контакты с картвельскими: превербная перфективация	
5. картвель- ские в це- лом	система преве- рбов	возможно, контакты с осетинским: превербная перфективация	
6. цыган- ские	отсутствие пре- вербов	контакты со славян- скими, балтийскими, немецким или венгер- ским: заимствование пре- вербов; превербная телисиза- ция/перфективация; конструкции с при- глагольными наре- чиями	
7. ливский	отсутствие пре- вербов	контакты с латыш- ским: заимствование пре- вербов; превербная телисиза- ция/перфективация	

8. истрорумынский	отсутствие продуктивных превербов и показателей имперфективации; аорист и имперфект; аспектуальная нейтральность глагольных лексем	контакты со славянскими: заимствование превербов и показателя имперфективации; превербная перфективация; суффиксальная имперфективация; утрата аориста и имперфекта	перфективность простых глаголов
-------------------	--	---	---------------------------------

В **Заключении** формулируются основные выводы и результаты диссертационного исследования:

1) Впервые предпринятый сопоставительный анализ систем префиксальной перфективации в значительной части релевантных языков, исходящий из единой системы теоретических предпосылок и классификационных параметров, позволяет освободиться от «перекося» в сторону лучше всего изученных славянских языков и рассмотреть на необходимом уровне подробности данные балтийских языков, идиша, венгерского, осетинского и всех картвельских языков.

2) Обобщено большое количество фактов, многие из которых прежде не рассматривались в сопоставлении и не были известны аспектологам за пределами соответствующей лингвистической традиции, эксплицированы в рамках единой системы понятий и классификационных признаков сходства и различия между системами префиксальной перфективации всех изученных языков.

3) Изучены формальные характеристики превербов и префиксальных глаголов, семантические особенности превербов, в том числе не имеющие очевидной связи с предельностью, терминативностью и перфективностью (например, характер выражения в системах превербов дейктических значений).

4) Проанализированы с типологической точки зрения характеристики глагольных систем с перфективирующими превербными, с особым вниманием к характеру функционального противопоставления между простыми и превербными глаголами, средствам вторичной имперфективации и типам взаимодействия превербных глаголов с имеющимися в изучаемых языках грамматическими видо-временными категориями.

5) Проведённый в главе 6 количественный анализ продемонстрировал, что в рассматриваемом ареале имеются две существенно различные зоны кластеризации систем префиксального перфектива — славянская и картвельская. При этом анализ кластеризации значений признаков позволил выделить различающиеся наборы их значений, характерные для двух зон префиксального перфектива, и сделать вывод о существовании двух прототипов данной категории: славянского и картвельского, — к которым в той или иной степени приближаются другие языки изучаемого ареала.

6) Негативный вывод главы 6 состоит в том, что многофакторный количественный анализ не даёт чётко выявить действие собственно ареального фактора, т. е. языковых контактов.

7) Диахронический анализ истории превербов и их аспектуальных функций в трёх основных рассматриваемых языковых семьях показал, что, с одной стороны, во всех этих семьях имелись предпосылки для возникновения префиксальной перфективации, но, с другой стороны, развитие аспектуальных функций в каждой из них было сравнительно поздней инновацией.

8) Изучение документированных контактных взаимодействий в области префиксального перфектива показало, что даже в тех случаях, когда в результате языкового контакта в языке-реципиенте появляются заимствованные превербы или целые системы превербов или существующие системы претерпевают существенные структурные и функциональные изменения, не приходится говорить о заимствовании или калькировании аспектуальной системы как таковой.

9) Анализ небольшого числа упоминавшихся в литературе типологических параллелей к восточноевропейским системам префиксальной перфективации показал, что хотя превербы как перфективаторы за пределами изучаемого ареала встречаются очень редко, развитие показателями глагольной ориентации аспектуальных функций отмечено в самых разных языковых семьях и ареалах и может считаться универсально-типологической тенденцией.

10) Систематический синхронный и исторический анализ сходств и различий между системами префиксальной перфективации в представительном множестве языков Восточной Европы и Кавказа демонстрирует нетривиальное и сложное взаимодействие в этой области генетических, типологических и ареальных факторов.

Работы соискателя по теме диссертации:

Монография:

Аркадьев П.М. *Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа)*. М.: «Языки славянской культуры», 2015. — 352 с. (22 п.л.)

Работы, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях:

1. Аркадьев П.М. Рец. на: *Языки мира. Балтийские языки*. М.: Academia, 2006 // *Вопросы языкознания*, 2007, № 5, с. 129–134.

2. Аркадьев П.М. Структура события и семантико-синтаксический интерфейс. Обзор новейших работ // *Вопросы языкознания*, 2008, № 2, с. 107–136.

3. Аркадьев П.М., Герасимов Д.В. Аспектуально-таксисные формы с префиксом *zere-* в адыгейском языке: парадоксы референции и уроки для аспектуальной композиции // *Acta Linguistica Petropolitana. T. IV, ч. 2*. СПб.: «Наука», 2008, с. 12–20.

4. Аркадьев П.М. Рец. на: *Text, Time, and Context. Selected Papers by Carlota S. Smith*. Dordrecht: Springer, 2009 // *Вопросы языкознания*, 2011, № 2, с. 132–139.

5. Аркадьев П.М. Проблемы синтаксиса конструкций «accusativus cum participio» в литовском языке // *Вопросы языкознания* 2011, № 5, с. 44–75.

6. Аркадьев П.М. О функциях префикса *be-* в литовском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. T. VII. Вып. 3*. СПб.: Наука, 2011, с. 252–257.

7. Аркадьев П.М., Герасимов Д.В. О конструкции холистической квантификации в адыгейском языке // *Вестник ТГПУ*, 2012, № 1 (116), с. 22–27.

8. Аркадьев П.М. Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // В.А. Плунгян (отв. ред.), *Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий* = *Acta Linguistica Petropolitana T. VIII. Ч. 2*. СПб.: «Наука», 2012, с. 45–121.

9. Arkadiev P.M. Marking of subjects and objects in Lithuanian non-finite clauses: A typological and diachronic perspective // *Linguistic Typology* Vol. 17 (2013), No. 3, p. 397–437.

10. Аркадьев П.М. Система форм плюсквамперфекта в шапсугском диалекте адыгейского языка // *Вопросы языкознания*, 2014, № 4, с. 46–65.

11. Аркадьев П.М. Критерии финитности и морфосинтаксис литовских причастий // *Вопросы языкознания*, 2014, № 5, с. 68–96.

12. Аркадьев П.М. Глагольная рестриктивность в литовском языке // С.Ю. Дмитренко, Н.М. Заика (ред.), *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata* = *Acta Linguistica Petropolitana* Т. X, Ч. 3. СПб: Наука, 2014, с. 12–41.

13. Arkadiev P.M. Towards an areal typology of prefixal perfectivization // *Scando-Slavica* Vol. 60 (2014), No. 2, p. 384–405.

14. Аркадьев П.М. Неканоническое падежное маркирование субъекта литовских причастий: типология и диахрония // *Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. Филологические науки*, 2014, № 4, с. 21–46.

15. Аркадьев П.М., Шлуинский А.Б. Словоклассифицирующие аспектуальные системы: опыт типологии // *Вестник СПбГУ, Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*, 2015, № 3, с. 4–24.

16. Аркадьев П.М. Взаимодействие перфекта и отрицания в литовском языке: ареальная и типологическая перспектива // Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова (ред.), *Исследования по теории грамматики. Вып. 7. Типология перфекта* = *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. XII. Ч. 2. СПб.: «Наука», 2016, с. 115–163.

Публикации в других изданиях:

17. Arkadiev P.M. On the semantic determinants of inflection class membership: Evidence from Lithuanian // К. Erk, А. Mellinger, S. Schulte im Walde (eds.), *Verb Workshop 2005. Proceedings of the Interdisciplinary Workshop on the Identification and Representation of Verb Features and Verb Classes*. Saarbrücken: Computational Linguistics Department, Saarland University, 2005, p. 10–15.

18. Аркадьев П.М. Грамматические и лексические аспекты категории вида в литовском языке // А.П. Выдрин и др. (ред.), *Вторая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005. Материалы докладов и лекций*. СПб.: «Наука», 2005, с. 14–18.

19. Аркадьев П.М. Лексические и грамматические аспекты категории вида в адыгейском языке // Б.М. Берсиров (ред.), *Материалы*

международной научной конференции «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии». Майкоп: АГУ, 2005, с. 21–24.

20. Аркадьев П.М., Короткова Н.А. О показателе -жъы- в адыгейском языке // А.П. Выдрин и др. (ред.), *Вторая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005. Материалы докладов и лекций*. СПб.: «Наука», 2005, с. 19–22.

21. Аркадьев П.М. Парадигматические классы первичных глаголов в литовском языке: Формальные противопоставления и их семантическая мотивация // *Балто-славянские исследования. Вып. XVII*. М.: «Индрик», 2006, с. 250–294.

22. Аркадьев П.М. Соотношение между семантическими и морфологическими классами непроектируемых глаголов в литовском языке в типологической перспективе // Т.Н. Молошная (ред.), *Типология грамматических систем славянского пространства*. М.: Институт славяноведения РАН, 2006, с. 128–163.

23. Аркадьев П.М. Заметки к типологии префектива // Вяч.Вс. Иванов (ред.), *Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола*. М.: «Пробел-2000», 2007, 17–30.

24. Аркадьев П.М. Предикаты и обстоятельства длительности в адыгейском языке: взаимодействие лексической и синтаксической семантики // Ф.И. Дудчук, Н.В. Ивлиева, А.В. Подобреев (ред.), *Структуры и интерпретации: работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике*. М.: Изд-во Московского университета, 2007, с. 172–194.

25. Аркадьев П.М. Глаголы перемещения в воде в литовском языке // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.), *Глаголы движения в воде: Лексическая типология*. М.: «Индрик», 2007, с. 315–334.

26. Arkadiev P.M. Thematic roles, event structure, and argument encoding in semantically aligned languages // S. Wichmann, M. Donohue (eds.), *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford: Oxford University Press, 2008, p. 101–117.

27. Аркадьев П.М. Уроки литовского языка для славянской аспектологии // *Славянское языкознание. XIV международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации*. М.: «Индрик», 2008, с. 28–43.

28. Аркадьев П.М. Таксономические категории глагола и темпоральные наречия: свидетельства адыгейского языка // А.В. Бондарко,

Г.И. Кустова, Р.И. Розина (ред.), *Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой*. М.: «Языки славянской культуры», 2008, с. 59–70.

29. Arkadiev P.M. Lietuvių kalbos pirminių veiksmazodžių klasių semantika tipologinių duomenų kontekste // *Acta Linguistica Lithuanica*, Т. 59 (2008), p. 1–27.

30. Аркадьев П.М. Теория акциональности и литовский глагол // *Балто-славянские исследования*, Вып. XVIII. М.: «Языки славянских культур», 2009, с. 72–94.

31. Аркадьев П.М., Ландер Ю.А., Летучий А.Б., Сумбатова Н.Р., Тестелец Я.Г. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Я.Г. Тестелец (отв. ред.), *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ, 2009, с. 17–120.

32. Аркадьев П.М., Тестелец Я.Г. О трёх чередованиях в адыгейском языке // Я.Г. Тестелец (отв. ред.), *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ, 2009, с. 121–145.

33. Аркадьев П.М. Глагольная акциональность // Я.Г. Тестелец (отв. ред.), *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. М., РГГУ, 2009, с. 201–261.

34. Arkadiev P.M. Lexical and compositional factors in the aspectual system of Adyghe // L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov (eds.), *Cross-Linguistic Semantics of Tense, Aspect and Modality*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2009, p. 55–82.

35. Arkadiev P.M. Notes on the Lithuanian restrictive // *Baltic Linguistics* Vol. 1 (2010), p. 9–49.

36. Аркадьев П.М. Ещё раз о семантике литовских *n/st*-глаголов: от непереходности к начинательности // М.В. Завьялова, Т.В. Цивьян (ред.), *Топоровские чтения. I–IV. Избранное*. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2010, с. 309–324.

37. Arkadiev P.M. On the aspectual uses of the prefix *be-* in Lithuanian // *Baltic Linguistics* Vol. 2 (2011), p. 37–78.

38. Arkadiev P.M. Aspect and actionality in Lithuanian on a typological background // D. Petit, Cl. Le Feuvre, H. Menantaud (eds.), *Langues baltiques, langues slaves*. Paris: Éditions CNRS, 2011, p. 57–86.

39. Arkadiev P.M., Letuchiy A.B. Prefixes and suffixes in the Adyghe polysynthetic wordform: Types of interaction // V.S. Tomelleri, M. Topadze, A. Lukianowicz (eds.), *Languages and Cultures in the Caucasus*. München, Berlin: Otto Sagner, 2011, p. 495–514.

40. Arkadiev P.M. Stems in Lithuanian verbal inflection (with remarks on derivation) // *Word Structure* Vol. 5 (2012), No. 1, p. 7–27.
41. Arkadiev P.M. Participial complementation in Lithuanian // V. Gast, H. Diessel (eds.), *Clause Linkage in Cross-Linguistic Perspective: Data-Driven Approaches to Cross-Clausal Syntax*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2012, p. 285–334.
42. Аркадьев П.М. О типологическом своеобразии литовской глагольной системы // Вяч.Вс. Иванов, П.М. Аркадьев (ред.), *Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков*. СПб.: Алетея, 2013, с. 320–361.
43. Аркадьев П.М. Комбинаторика «партикул» и литовские внешние префиксы. Статья для юбилейного сайта Т.М. Николаевой <http://tnikolaeva.inslav.ru/statji/> — 10 с.
44. Arkadiev P.M. From transitivity to aspect: Causative-inchoative alternation and its extensions in Lithuanian // *Baltic Linguistics* Vol. 4 (2013), p. 39–77.
45. Аркадьев П.М., Шлуинский А.Б. О роли перфективации и имперфективации в типологии словоклассифицирующих аспектуальных систем // *Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Юрия Сергеевича Маслова»*. Санкт-Петербург, 20–22 ноября 2014 г. Тезисы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014, с. 17–19.
46. Gardani Fr., Arkadiev P., Amiridze N. Borrowed morphology: An overview // Fr. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze (eds.), *Borrowed Morphology*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2015, p. 1–23.
47. Аркадьев П.М., Герасимов Д.В. О некоторых нетривиальных употреблениях формы прошедшего времени в адыгских языках // О.В. Кузнецова (отв. ред.), *Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей*. Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2014 г. Тезисы докладов. СПб.: «Нестор-История», 2014, с. 10–14.
48. Arkadiev P.M. Negative events: Evidence from Lithuanian // П.М. Аркадьев, И.С. Капитонов, Ю.А. Ландер, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов (ред.), *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. М.: «Языки славянской культуры», 2015, с. 7–20.
49. Arkadiev P.M., Pakerys J. Lithuanian morphological causatives: A corpus-based study // A. Holvoet, N. Nau (eds.), *Voice and Argument Structure in Baltic*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2015, p. 39–97.

50. Arkadiev P.M., Holvoet A., Wiemer B. Introduction. Baltic linguistics: state of the art // P.M. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.), *Contemporary Approaches to Baltic Linguistics*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2015, p. 1–109.

51. Arkadiev P.M. Review of Andra Kalnača. *A Typological Perspective on Latvian Grammar*. Warsaw, Berlin: De Gruyter Open, 2014 // *Baltic Linguistics* Vol. 6 (2015), p. 265–295.

Для заметок

Подписано в печать 27.06.2017
Объем 2,7 п.л. Тираж 100 экз.